

РУССКОЕ Слово

WWW.RUSLO.CZ

ИЗДАНИЕ
РУССКОЙ
ДИАСПОРЫ
В ЧЕШСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ

«Работа с
соотечественниками»:
день вчерашний

История
с точки зрения
нравственности

Две аудиенции:
чешские
представители
у Николая II

№ 2/2010
ФЕВРАЛЬ

Леонид Шинкарев

КЛАССИЧЕСКОЕ РУССКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЧЕХИИ
 Гимназия с 1 по 11 класс   Экстернат   Детский сад с 2-х лет

10 лет в Праге

- Углубленное изучение английского и чешского языков
- Полупансион с 9.00 до 17.00
- Кружки: музыка, рисование, каратэ, Break Dance
- Общешкольные мероприятия
- (экскурсии, праздники и т.д.)
- Возможность проживания детей в семье
- До 10 учащихся в классе
- До 15 детей в детском саду
- Закрытая территория

Гимназия «Диалог» располагает собственным учебным центром, состоящим из нескольких корпусов, детского сада, спортивных и игровых площадок; находится в экологически чистом месте (6 минут от метро Zličín)

Praha-západ, 252 19 Chrášťany 14
 tel/fax: +420 257 950 145, mobil: 602 842 390
 e-mail: dialogschool@centrum.cz, www.dialogschool.cz

Интернет-БИБЛИОТЕКА (Полные оригиналы "бумажных" СМИ)

Газеты и журналы Европы

W.W.PressaRu.EU   реклама (пресса, TV, Web)   подписка

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
 газеты и журналы Европы   Более 500 номеров на русском языке!

Здесь всегда есть, что почитать.

РУССКОЕ СЛОВО   оригинальные, ознакомительные номера, архив издания

WWW.RUSSIANSHOP.CZ

POTRAVINY Z RUSKA
RUSKÝ PORCELÁN
SUVENÝRY
UMĚNÍ
VIDEO (DVD, VHS)
HUDBA (CD, MC, MP3, VHS, DVD)
KNIHY
ČASOPISY
NOVINY
LETENKY
SMĚNÁRNA

ТОРГОВО - КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
"ARBAT"

Bubenečská 13, Praha 6 - Bubeneč
 Tel/fax: (+420) 224 316 291
 GSM: (+420) 603 166 298, 736 535 711
 e-mail: info@russianshop.cz

 INTERBEAUTY PRAGUE
 VELETRH KOSMETIKY

18. - 19. 3. 2010
 Praha, Výstaviště Holešovice

INCHEBA, a.s., Areál Výstaviště 67, 170 90 Praha 7 - Holešovice
 T +420-220-103 648, +421-2-6727 2139 • F +420-220-103 255
 E interbeautyprague@incheba.sk, dsalihbegovic@incheba.sk
 www.interbeautyprague.cz, www.interbeautyprague.sk

 INCHEBA EXPO BRATISLAVA

РУССКОЕ СЛОВО №2

декабрь 2010

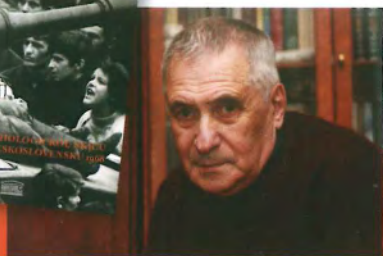
содержание

8

12

2 Семь лет вместе с вами
3 Пути сближения

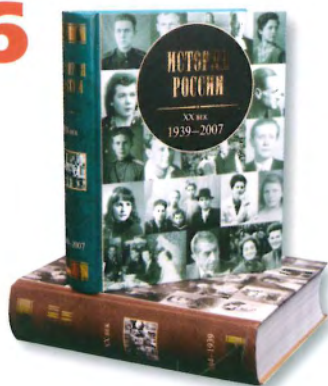
ДОРОГИЕ РОССИЯНЕ
4 «Работа с соотечественниками»:
День вчерашний и день сегодняшний
Часть 1: День вчерашний

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА
8 Бойся равнодушных
Франтишек Яноух об А. Д. Сахарове

11 ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯ

ЛИЦО С ОБЛОЖКИ
12 Леонид Шинкарев
Опыт психологических очерков:
чешское издание книги о событиях 1968-го

16

18

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
16 История с точки зрения
нравственности
Презентация двухтомника
«История России. XX век»

ПРАЖСКИЕ ПРОГУЛКИ
18 Смерть вместо освобождения
Бомбардировка Праги в феврале 1945-го

20 РУССКИЕ В ЧЕХИИ
Розы для гвардейца
Фельдмаршал Барклай де Толли и Чехия

ЧЕХИ В РОССИИ
22 Две аудиенции
Чешские представители у Николая II
26 «Пражская осень»
в Петрозаводске:
композитор Йиржи Лабурда

КНИЖНАЯ ПОЛКА
27 Книжная полка
Новинки русской
и переводной литературы

28 ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

СЛОВО ДЕТЯМ
30 Русский язык для малышей
и школьников

22

20

Колонка редактора

Наверняка многие из вас обратили внимание на еженедельник «Респект» от 18 января, а то и приобрели оный. На его обложке была обозначена тема номера — «Русские возвращаются». И нарисована красная голова мужика в ушанке. Вот о ней и хотелось бы поговорить.

Под портретом человека, которого по приметам вроде золотого зуба, поломанных ушей, толстой цепи на шее и помятой сигареты в зубах можно условно назвать мелкотравчатым провинциальным бандитом, значится: «Лев Максимович Копейкин — главный совладелец и председатель футбольных клубов „Спарта Прага“ и „Славия Прага“». В футболе я понимаю мало, но неужели «спартанцев» и «славийцев» так дешево ценят? Доходы изображенного на обложке человека должны, судя по всему, состоять из выручки с мелкой наркоторговли и поборов с торговцев семечками на рынке...

Впрочем, тут дело в другом, поскольку вряд ли художник хотел оскорбить футболистов.

Автор статьи с приведенным выше названием задался целью описать современную жизнь и чаяния русской общины в Праге, что, в целом, ему как-то удалось. Поскольку в числе собеседников журналиста была и я, редакция «Респекта» попросила меня ответить на вопросы читателей. Первый же читатель написал, что из русских вокруг себя видит одних бандитов с пистолетами, и что Европе надо было еще в восьмидесятые отгородиться от восточных соседей бетонной стеной. А чуть позже последовал вопрос другого человека: пытается ли «Русская традиция» пробивать такие стены...

Видимо, нам всем надо приложить немалые усилия, чтобы пробить стену стереотипов, ведь похоже, что общественное мнение о нас с середины девяностых ничуть не изменилось. Художник, рисовавший «Копейкина», честно изобразил «богатого русского». Правда, без матрешки и балалайки — уже прогресс.

*Главный редактор
Анна Хлебина*

Подводим итоги года

Для того чтобы чудеса случались, как это ни парадоксально, нужны старые добрые традиции. Кажется, что все начиналось не так давно, а журнал «Русское слово» отметил семь лет работы. Наступил восьмой. Новый год отмеряет ритм и бег времени. А вместе с тем, для нас это минута переоценки прожитого вместе с героями и авторами материалов.

Такую радостную и ответственную черту итогов подвели в деятельности организации «Русская традиция» и журнала «Русское слово» на традиционном празднике по случаю Старого нового года в Доме национальных меньшинств. Председатель организации Игорь Золотарев и редактор журнала Анна Хлебина вручили премию лучшим авторам 2009 года Александру Александровичу и Дине Ивановне Муратовым (на фото) за серию исторических очерков о выдающихся киевских чехах. «Я начал публиковаться после того, как отметил 80-летие, — прокомментировал А. Муратов, — и теперь, благодаря журналу, я вижу, что материала вполне хватает на интересную историческую книгу, все впереди». Премию за лучший гуманитарный проект организации по результатам ушедшего года получил Русский детский драматический театр «Красный сарафан». Режиссер Рита Ясинская, сценограф Анастасия Асташина и костюмер Светлана Васильева просияли счастливыми улыбками, и их место на импровизированной сцене заняли актеры, которые испол-

нили отрывок из спектакля «Обыкновенное чудо» по пьесе Е. Шварца.

Подарком для желанных друзей и партнеров организации был концерт Клуба артистов под руководством Якова Зитнера, в котором выступили Юрий Круглов, Анатолий Орел, Юрий Пухов и сам маэстро Зитнер.

Традиционно гостей порадовали и неисчерпаемые в своем искусстве и кулинарном мастерстве владельцы кондитерской «Амарена». Их угощение вне конкурса побивает всех конкурентов в этой части программы. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что домашний торт Дины Муратовой тоже многим пришелся по вкусу, и надеемся, тоже станет нашей традицией. Остается пожелать всем доброго здоровья и успехов, ведь многое главное уже свершается в нашей жизни — мы находим друг друга и между нами тепло человеческих сердец.

Нина Михальчевская

Фото: Татьяна Китаева

Татьяна Викторовна Ружичкова (Томашек) 2.11.1919 — 15.1.2010

Удивительным человеком была Татьяна Ружичкова — неутомимым и полным планов. Все время на ходу: по городу и по миру. «Одинаково легко она отправлялась на прогулку вокруг озера или в дальнюю поездку, — вспоминает Анатолий Алексеевич Андреев, — мы побывали с ней в пяти странах и посетили немыслимое количество городов — и это только за последние три года и два с половиной месяца, что я ее знал. Намечалась поездка в Марсель в гости к русским француженкам... И столько еще всего...» Не сбылось. Не сбудется. Без Тани не получится.

Татьяна Томашек родилась в Киеве 2 ноября 1919 года в русско-чешской семье, и уже в 1921 году, после революционных событий, они бежали в Чехию, на историческую ро-

дину отца. Отец был тяжело болен и очень рано скончался, а Татьяну отослали в русскую гимназию в Моравской Тршебове, где она училась с 1927 по 1935 год. Вначале она тосковала, но очень быстро привыкла — здесь была особенная атмосфера и работали особенные люди. И это оставило яркий отпечаток на всей ее жизни.

Вышла замуж за ученого-ботаника Йиржи Ружичку. Их единственная дочь Вера тоже стала ботаником и много путешествовала (о Vere Ружичковой-Комарковой писал журнал Reflex №48/2000). К сожалению, Татьяна пережила свою дочь. Вера умерла от неизлечимой болезни, внукам — старшему Мепаму и младшему Жоржу — она посвятила часть своей души и многие годы заботы.

На всю жизнь Татьяна осталась патриоткой Русской гимназии и поддерживала дружбу

Пути сближения

В Славянской библиотеке 21 января состоялось открытие выставки «Пути взаимного сближения. Общество чешско-русского единения в 1919—1939 годах» (Cestami vzájemného sblíživání. Česko-ruská jednota v letech 1919—1939).

Выставку открыл директор библиотеки Лукаш Бабка, который оценил то, как тщательно была подготовлена экспозиция и какое значение имеют представленные в ней архивные материалы для правильного понимания развития чешско-русских взаимоотношений на всех этапах истории. Он передал слово автору выставки, одному из старейших сотрудников библиотеки Йиржи Вацеку.

Вкратце профессор Вацек рассказал собравшимся о значении Общества чешско-русского единения в общественной и политической жизни Чехословакии времен Первой Республики. Он подчеркнул, что документы и публикации, представленные в данной экспозиции, повествуют о периоде сотрудничества чешского общества с русской после-революционной эмиграцией. Но само общество было основано чехами задолго до этого и направляло свою деятельность на помощь русским инвалидам Первой мировой войны.

Среди экспонатов посетители могут видеть результаты усилий русской общественности по сохранению и пропаганде русской культуры: пригласительные билеты и газетные отчеты о ежегодно проводимом Дне русской культуры. Также широко представлены издаваемые в Пра-

ге произведения русских классиков — Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова — на русском и чешском языках, русские сказки, а также произведения современных русских писателей и поэтов, живущих в эмиграции, русско-чешский словарь Бориса Морковина, на чешском языке труды Альфреда Бема, биография «бабушки русской революции» Екатерины Брешко-Брешковской, воспоминания Ефима Лазарева.

Во второй части мероприятия выступила Галина Ваничкова. Она представила публике свою новую публикацию «Спасибо за долгую память любви...» — изданную впервые в полном объеме переписку поэтессы Марины Цветаевой с Анной Тесковой, которая долгие годы была секретарем Общества чешско-русского единения. Книга была выпущена совместными усилиями Славянской библиотеки, издательства «Русский путь» и Дома-музея Марины Цветаевой в Москве.

Выставка проходит в Славянской библиотеке до конца февраля. Вход свободный.

Подробнее о деятельности Общества чешско-русского единения вы сможете узнать из следующего номера «Русского слова», статья будет опубликована в рубрике «Пражские прогулки».

Марина Добушева

Фото: Ева Годикова, Национальная библиотека ЧР

с одноклассниками, которых разнесло кого куда, в разные стороны света. И как будто на последнее свидание с дорогим сердцу местом она приехала в Моравску Тршебову, как оказалось, незадолго до своего конца, сфотографировалась у дома, где прожила восемь счастливых лет своего детства, и оставила запись о своем посещении в городском музее «на память от бывшей тршебовки Тани Томашек» (об этой поездке писал журнал «Русское слово» №12/2009). Завершился круг жизни, вмещающий русскую непростую судьбу и освященный подлинной духовностью. То, что принято называть силой духа, стойкостью характера, ей давалось легко — от веры в хорошее и желания это давать людям.

Как раз перед последней поездкой в Тршебову нам удалось заглянуть в ее дом. Ждало еще одно откровение. Оказывается, Татьяна была прекрасным художником, ее дом был украшен картинами в светлых тонах: букеты, виды природы с уходящими в дымку хребтами гор... Этюдник с выдавленными на палитру красками... все еще до сих пор. Она любила цветы. Любила покупать цветы, получать, дарить и ухаживать за ними. Поэтому ее дом наполнен цветами... все еще до сих пор. Она любила принимать гостей и умела угощать, с ней было уютно и радостно. Жаль, что не войдем...

21 января состоялась панихида в Ольшанской церкви, настоятель храма отец Сергей отпел рабу Божию Татьяну по православному обряду. Попрощался с ней и пастор Павел, с которым они познакомились давно в Канаде и дружили долгие годы. Пастор в своей светской речи говорил об изумительной силе духа Татьяны Ружичковой и закончил стихотворными строчками из «Прощального вальса».

Выражаем глубокое соболезнование внукам Мепаму и Жоржу, живущим в Швейцарии, семье Грешл — родственников Татьяны по мужу, и Анатолию Алексеевичу Андрееву, потерявшему свою путеводную звезду. А также всем близким людям.

Общественная организация «Русская традиция»

Редакция журнала «Русское слово»

Редакция журнала «Артек»

Воинская школа в Моравской Тршебове

РУССКОЕ СЛОВО

Издание русской диаспоры в ЧР

РУССКОЕ СЛОВО № 2

Февраль 2010

Издатель:

Ruská tradice, o.s.

Директор издательства:

Игорь ЗОЛОТАРЕВ

Главный редактор:

Анна ХЛЕБИНА

Редакция:

Марина ДОБУШЕВА

(зам. главного редактора),

Виктория РУЧКИНА (корректор)

Редационный совет:

А. БАРАБАНОВ (Артек)

М. ДОБУШЕВА (Русская традиция)

И. ЗОЛОТАРЕВ (Русская традиция)

А. КЕЛИН (Русская традиция)

Й. КЛАПКА

(Чешская ассоциация русистов)

М. ОБМИНСКАЯ (Русская традиция)

А. РОЗОВ (АРОЧР)

В. РУЧКИНА (Русская традиция)

Т. СИЗОВА (Клуб

путешественников по России)

Ю. ФЕДОРОВ (Русская традиция)

Дизайн и верстка:

Татьяна КИТАЕВА

Распространение:

CZ Press, Transpress, Mediaprint

Кара Pressegross, на бортах

самолетов авиакомпаний РОССИЯ,

Аэросвит; FINEX corporation.

Типография: Tiskárna Libertas a.s.

Адрес редакции:

Vocelova 602/3, 120 00 Praha 2

тел.: + 420 221 419 830

e-mail: ruslo.redakce@gmail.com

www.ruslo.cz

Регистрация МК ЧР

№ Е 13956; ISSN 1214-1771

За содержание рекламы редакция ответственности не несет. Рукописи не возвращаются. Мнения редакции и авторов могут не совпадать. Издаётся с финансовой помощью Министерства культуры ЧР.

RUSSKOJE SLOVO

Periodikum ruské menšiny ČR

v ruštině. Časopis je vydáván

s finanční podporou Ministerstva

kultury České republiky.

На обложке:

Леонид ШИНКАРЕВ

Автор: Андрей МЕЛЯКОВ

«Работа с соотечественниками»: День вчерашний и день сегодняшний

Сколько светлых умов из России уже
Философские ждут пароходы...

Нателла Болтянская

Для большинства живущих за пределами исторической родины россиян слова «работа с соотечественниками» малопонятны. Они никак не соотносятся с практическими жизненными проблемами. Эта «работа» часто воспринимается как фарс, прикрывающий борьбу ведомств, чиновников и якобы независимых общественных организаций за миллиарды рублей. Но недооценивать усилия Москвы, нацеленные на превращение соотечественников в инструмент российской политики, нельзя. А происходящая в России реабилитация советского прошлого ставит вопрос: как «работали с соотечественниками» в советское время и чем нынешний вариант этой «работы» отличается от советского?

Часть первая: День вчерашний

«Отнестись к этой работе с наибольшей серьезностью, считая ее ударной»

После окончания гражданской войны ликвидация эмиграции как политической и военной силы стала важной задачей советской власти. Известна директива руководства ГПУ от 20 марта 1922 года, которой предписывалось отнестись к «работе по контрреволюционным организациям» как внутри, так и вне России «с наибольшей серьезностью, считая ее в настоящее время ударной»¹.

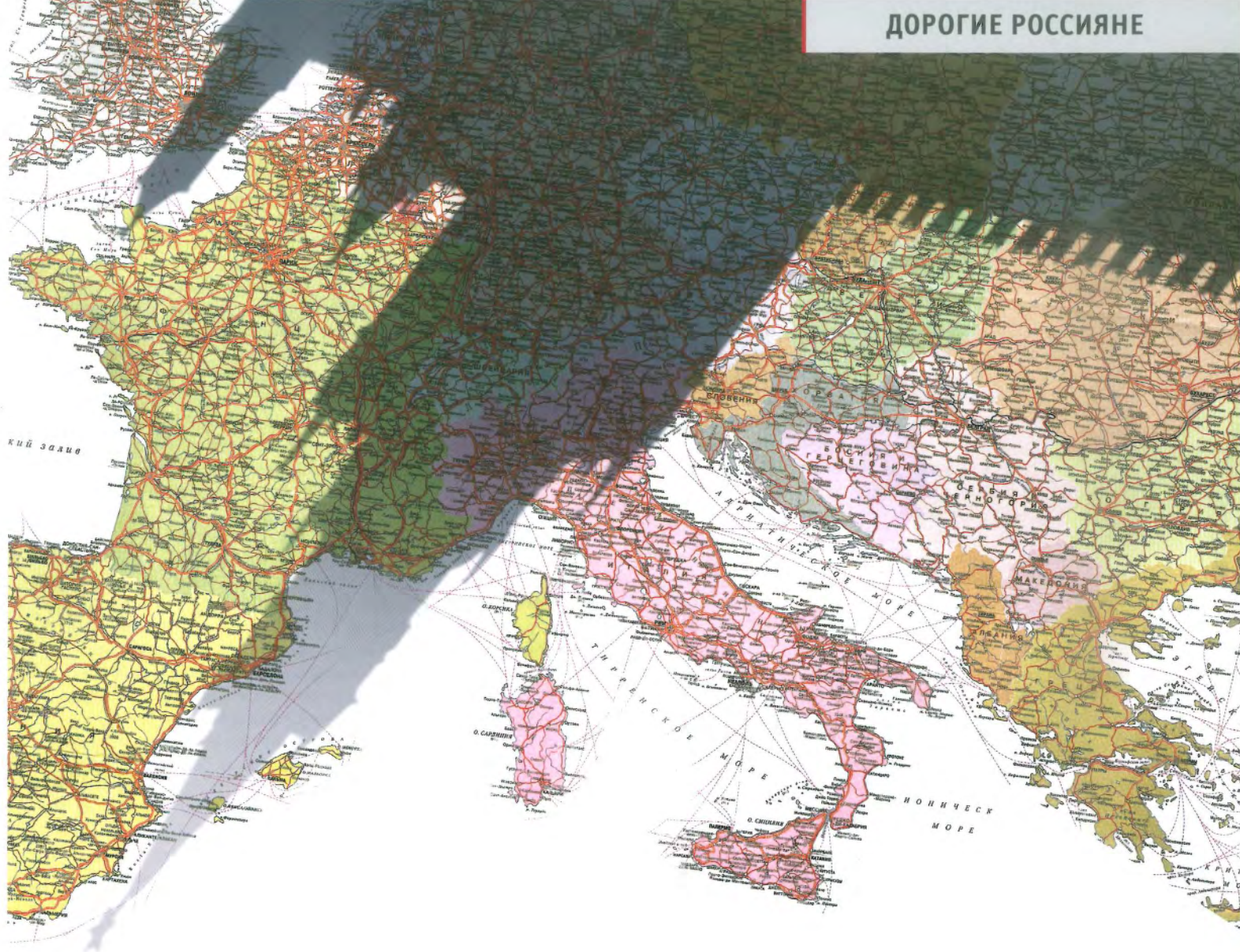
Причины этого заключались не только в параноидальной ментальности Кремля и Лубянки. Безжалостно подавленные восстание в Кронштадте и крестьянские бунты показали, что социальные слои, обеспечившие победу большевиков в гражданской войне, повернулись против нового режима. Ненадежной была армия. Большая часть ее командного состава состояла из бывших царских офицеров, некоторые из них то или иное время служили в белых частях. А рядовые практически полностью рекрутировались из крестьян, испытывавших на себе все прелести продразверстки. В партийной верхушке и аппарате шла ожесточенная борь-

ба за власть. Кремль был вынужден пойти на серьезные уступки обществу, провозгласив новую экономическую политику. Это несколько сняло напряженность. Но, несмотря на поражение белого движения и НЭП, положение большевиков было неустойчивым. В конечном итоге, они удержались у власти, опираясь на карательные органы, опутавшие страну плотной сетью осведомителей, благодаря массовым репрессиям и пассивности большинства населения, деморализованного голодом, житейской неустроенностью и жестокостью властей.

В свою очередь, несмотря на идейную, политическую и организационную раздробленность, в начале 1920-х годов эмиграция представляла серьезную силу. В Европе оказалась элита российской культуры, крупнейшие политики, философы и социологи. В случае нарастания противоречий в партийных верхах и подъема массового недовольства в СССР они могли выдвинуть концепции и лозунги, придающие этому недовольству политическую направленность. «Эти контрреволюционные эмигранты очень осведомлены, великолепно организованы и хорошие стратеги», — констатировал Ульянов-Ленин в июле 1921 года². А если бы режим зашатался, отряды солдат и офицеров бывшей Белой армии могли бы

стать ядрами кристаллизации вооруженной борьбы с большевизмом. И поэтому Кремлю важно было обескровить эмиграцию и разложить ее изнутри.

Чекисты со всей серьезностью отнеслись к порученной им «работе с соотечественниками». Так, уже в январе 1923 года заместитель шефа ГПУ Уншлихт докладывал политбюро ЦК РКП(б), что ГПУ созданы за рубежом организации, стимулирующие репатриацию и «разложение врангелевцев на Балканах». «Организованный нами „Союз возвращения на Родину“, — рапортовал он, — ...является организацией, монополизирующей влияние Москвы на интересующее нас большинство активной беженской массы»³. Репатриация была нацелена на обескровливание эмиграции, как в интеллектуальном, так и в военно-политическом отношении. Возвращавшихся в Россию, за редким исключением, ждали лагеря и тюрьмы. Российский исследователь В. Ершов приводит достаточно типичный пример. В феврале 1921 года из Константинополя в Россию вернулось около 3600 бывших военнослужащих армии Врангеля. Все офицеры, 800 с лишним человек, были отправлены в лагеря, а остальные репрессированы в последующие годы⁴.

«Трест» и «Синдикаты»

Важным инструментом «работы с соотечественниками» в 1920-е годы были крупномасштабные провокации. В СССР были созданы подставные организации, якобы борющиеся с режимом, с помощью которых ГПУ пыталось, и не без успеха, выхолостить деятельность эмиграции и воздействовать на ее лидеров.

Так, в конце 1922 года в Берлине появился некто Якушев, вступивший в контакт с лидерами монархического крыла эмиграции. В прошлом — действительный статский советник и крупный служащий Министерства путей сообщения, в Советской России Якушев трудился в Наркомате внешней торговли и был завербован чекистами. Он играл роль одного из руководителей Монархической организации Центральной России, зашифрованной под названием «Трест». Она была создана ГПУ, чтобы привлечь к ней подлинные контрреволюционные круги, поставив их под контроль Лубянки, дезинформировать руководство эмигрантских организаций и по возможности воздействовать на них, а также «замкнуть» на себя их деятельность в России. В «Тресте» участвовали агенты ГПУ, видные

царские военачальники, оставшиеся в Советской России, генералы Зайончковский и Потапов. Последний был лично известен второму лицу в созданном в 1924 году Русском общевоинском союзе (РОВС) генералу Кутепову. Он был его сослуживцем по Преображенскому полку. Зайончковский и Потапов помогли «Тресту» завоевать доверие части руководства РОВС.

Дело было поставлено с большим размахом. В России под контролем ГПУ несколько лет находились доверенные эмиссары Кутепова. Якушев неоднократно встречался с элитой монархической эмиграции, консультировал ее, следуя директивам Москвы, получал важную информацию и в значительной мере парализовал деятельность РОВС в России. В 1925 году с помощью «Треста» чекисты организовали поездку в Россию одного из лидеров эмиграции Василия Шульгина. Вернувшись, он опубликовал книгу «Три столицы», которая прошла тщательную редактуру в ОГПУ.

В 1927 году «операция Трест» драматически завершилась. Из СССР бежал один из ее ключевых участников, агент ОГПУ Опперпут, известный также как Стауниц. Его рассказ о подлинной природе «Треста» вызвал шок в эмигрантских кругах. Не исключено,

что ОГПУ санкционировало разоблачения Опперпута, чтобы дискредитировать РОВС. Действительно, на протяжении нескольких лет его руководство поддерживало, само того не зная, отношения с лубянским ведомством. О дальнейшей судьбе Опперпута точных сведений нет. Одни считают, что он вскоре был убит в перестрелке на границе, другие — что он был казнен немцами в Киеве во время Второй мировой войны. Якушев был либо убит в конце 1920-х годов под Ленинградом, либо погиб в ГУЛАГе. По видимому, он слишком много знал.

По похожей схеме осуществлялись операции ОГПУ, известные как «Синдикат-2» и «Синдикат-4». В ходе первой из них чекистам удалось заманить в Россию лидера эсеров Бориса Савинкова и известного английского разведчика Сиднея Рейли. Савинков покончил жизнь самоубийством в тюрьме или был убит чекистами. Рейли был расстрелян. Об операции «Синдикат-4» известно мало. Она лишь эпизодически упоминается в воспоминаниях нескольких бывших чекистов. И если существовали операции «Синдикат-2» и «Синдикат-4», то, скорее всего, были также «Синдикат-1» и «Синдикат-3», а может быть, и «Синдикат-5». Но о них мы, вероятно, никогда не узнаем.

Странная смерть генерала Врангеля

Скорее всего, крупнейший деятель белого движения генерал Петр Врангель был убит советскими агентами. Первое покушение на него было совершено в октябре 1921 года. Пароход, шедший под итальянским флагом из Батуми, протаранил яхту, служившую его штаб-квартирой. Самого Врангеля на яхте не было. Похоже, что через семь лет ОГПУ осуществило предыдущие планы. В марте 1928 года в доме Врангеля в Бельгии появился гость, назвавшийся братом Якова Юдихина, денщика генерала, о котором последний никогда ранее не упоминал. Этот «брат» был матросом советского корабля. Он прожил в доме пару суток, а через несколько дней после его отъезда Врангель внезапно заболел и через несколько недель скончался от скоротечной, крайне опасной формы туберкулеза. Ранее Врангель туберкулезом не страдал.

О причастности ОГПУ к смерти Врангеля свидетельствует ее совпадение по времени с разоблачением «Треста». В отличие от Кутепова, Врангель негативно относился к контактам с «Трестом», подозревал в нем чекистскую провокацию и мог бы весьма решительно исправить ущерб, нанесенный РОВСу. Правда, у Кремля были и другие причины ненавидеть Врангеля. Он был непримиримым врагом большевизма, сумел вывести из России около 75 тысяч солдат и офицеров и создал РОВС — массовую дисциплинированную боевую организацию. Ушедшие из России части армии Врангеля противодействовали большевистской экспансии на Балканах, в том числе участвовали в подавлении возглавлявшегося Димитровым коммунистического переворота в Болгарии в 1923 году. В конце 1930-х годов в составе РОВС было около 30 тысяч человек, часть из которых в 1936—39 годах воевала на стороне генерала Франко в Испании.

Политические убийства и похищения

Смерть Врангеля, если она была делом рук ОГПУ, — далеко не первый акт террора против деятелей эмиграции. Российский историк Н. Егоров упоминает убийство генерала Покровского в 1923 году в Болгарии и другие покушения, частью успешные, частью нет. Например, в 1925 году на территории Китая был захвачен атаман Анненков. «Эта акция, — пишет Егоров, — имела исключительно политическое и устрашающее значение. К тому времени отряд атамана Анненкова не представлял какой-либо серьезной угрозы, а сам атаман около трех лет провел в китайской тюрьме»⁵. Однако с 1930 года террор становится важнейшим элементом «работы с соотечественниками».

В феврале 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о задачах внешней разведки. Самой первой из них было названо «освещение и проникновение в центры вредительской эмиграции, неза-

висимо от места их нахождения», а далее следовала «организация уничтожения предателей, перебежчиков и главарей белогвардейских террористических организаций». Для этого был создан своего рода «эскадрон смерти», специальная группа во главе с террористом с дореволюционным стажем Яковом Серебрянским, имевшая двенадцать резидентур в Европе, Азии и Америке⁶.

Эти решения были приняты не случайно. В начале 1930-х годов в результате коллективизации в стране фактически началась вторая гражданская война. Крестьяне категорически не хотели идти в колхозы. Стихийные бунты подавлялись войсками и голодом. Вымирили блокированные отрядами ОГПУ целые районы, откуда было вывезено продовольствие. Власти отчаянно боялись, что разрозненные очаги сопротивления могут слиться в народное восстание. В этих условиях изощренные игры с эмиграцией, вроде «операции Трест», казались недостаточно эффективными. Ее было решено обезглавить, предотвратив вмешательство в происходившие в России события.

Точный список жертв чекистского «эскадрона смерти» неизвестен. Но несколько случаев стали достоянием историков. Первый — похищение генерала Кутепова, который после смерти Врангеля стал руководителем РОВС. Он был схвачен на парижской улице и тайно доставлен на борт советского корабля. В этом принимали участие французские коммунисты, игравшие роли полицейских, убедивших Кутепова, что его доставят в полицейское управление для какого-то разговора. По версии ОГПУ, Кутепов скончался на пути в СССР. По другим сведениям, он был убит во время похищения и похоронен в каком-то парижском гараже. В 1937 году преемник Кутепова на посту руководителя РОВС генерал Миллер также был похищен советскими агентами, увезен в Москву и через два года расстрелян НКВД. Помимо всего прочего, Москва стремилась запугать эмиграцию, показав, что даже ее лидеры не застрахованы от «карающей руки Кремля».

После Второй мировой войны главной целью действий советской госбезопасности против эмиграции был Народно-трудовой союз. Он вызывал ярость Москвы принципиальной линией на сопротивление коммунистическому режиму. Как минимум пять видных членов НТС были похищены в Германии и Австрии, перевезены в СССР и провели долгие годы в лагерях. Наибольший резонанс получила попытка ликвидировать одного из лидеров НТС Георгия Околовича. В 1954 году такое задание получил капитан КГБ Николай Хохлов. Он, однако, рассказал Околовичу о грозившей опасности, спас от смерти и затем скрылся от советских властей. Но в 1957 году Хохлов сам был отравлен радиоактивным таллием и лишь чудом выжил. Советские власти утверждали, что после неудавшегося покушения на Околовича политические убийства за рубежом были прекращены. Однако покушения на членов НТС продолжались вплоть до конца 1950-х годов.

Предатели Белого дела

Похищение Кутепова и Миллера, другие акции ОГПУ и его преемника — НКВД — были бы невозможны, если бы в белой эмиграции не нашлись бы предатели, сотрудничавшие с чекистами. Важную роль в похищении Миллера сыграл генерал Скоблин, в прошлом заслуженный офицер, ставший к концу гражданской войны командиром знаменитой Корниловской ударной дивизии. В 1930 году он и его жена, известная певица Надежда Плевицкая, были завербованы НКВД. Дальнейшая судьба этой пары незавидна. Разоблаченный после похищения Миллера Скоблин бежал в Испанию, где был либо убит НКВД, либо погиб во время бомбежки. Плевицкая была осуждена за шпионаж и через несколько лет умерла во французской тюрьме.

Другой предатель, нанесший огромный ущерб эмиграции, — Сергей Третьяков, прямой потомок основателя Третьяковской галереи. Крупный промышленник, министр Временного правительства, а затем — правительства Колчака, Третьяков в 1929 году был завербован ОГПУ и регулярно информировал Москву о планах РОВС. Получение информации было организовано не без остроумия. ОГПУ сняло несколько квартир в доме на парижской улице де Колизе, в одной из которых поселился Третьяков, а другую он предоставил РОВСу в качестве штаб-квартиры за умеренную плату. Остальное было делом техники. Подслушивающие устройства позволили ОГПУ быть в курсе практически всей деятельности РОВС. Третьяков работал на Лубянку вплоть до немецкой оккупации Франции. В 1942 году он был арестован и через два года расстрелян немцами. В прессе того времени появились сообщения о том, что он участвовал в похищении Кутепова и Миллера⁷.

В исторической литературе можно найти немало других примеров предательства видных деятелей и рядовых участников Белого движения. Эти сообщения не всегда достоверны. Советская госбезопасность нередко распространяла ложную информацию о честных людях, чтобы их дискредитировать и внести дополнительный раскол в эмиграцию. Кроме того, порочащие слухи неизбежны в практически любой эмигрантской среде. И все же советских агентов в белой эмиграции было немало. Это ставит вопрос: в чем причины перерождения тех, кто в годы гражданской войны дрался насмерть с большевистскими армиями?

Предательство одних было куплено деньгами. В этом нет ничего нового и удивительного. Лубянские «ловцы человеков» использовали также свойственные эмиграции депрессивные настроения. Житейские трудности, чуждая среда, ностальгия, кажущаяся несокрушимость советской власти подчас ломали тех, кто в годы гражданской войны самоотверженно сражался с большевиками. Такие люди легко попадали в руки чекистов. Кроме того, последние в полной мере ис-

пользовали две концепции, появившиеся в начале 1920-х годов в эмигрантской среде в Чехословакии: «смена веж» и евразийство.

«В комиссарах дух самодержавья»

Эта строка Максимилиана Волошина отражает суть концепции «смены веж». Ее появление связано с острыми вопросами, вставшими после гражданской войны перед эмиграцией и оставшейся в России интеллигенцией: чем вызвано поражение Белого движения и как строить отношения с советской властью? Для большинства эмигрантов ответ на последний вопрос был очевидным — либо непримиримая борьба, либо жесткое неприятие. Другие же искали пути сосуществования и даже сотрудничества с новым режимом. Но это требовало объяснения и оправдания.

Вкратце, концепция «смены веж», ее также называют «национал-большевизмом», сводилась к тому, что большевистский режим трансформируется в силу, отстаивающую русские национальные интересы, восстанавливает великую, единую и неделимую Россию и остановил революционный хаос. Оправдывались даже репрессии, без которых, как утверждалось, было бы невозможно восстановить порядок и дисциплину. Поэтому, утверждали адепты этого учения, все русские патриоты должны примириться с советской властью и сотрудничать с ней.

Основные идеи «смены веж» были изложены в опубликованном в Праге в 1921 году сборнике, авторами которого были видные деятели Белого движения — Устрялов, Чахотин, Лукьянов, Бобрищев-Пушкин и Потехин. Правда, похожие взгляды высказывались ранее. Так, редактор издававшейся в Праге газеты «Славянская заря» Ефимовский писал, что «именно большевики защищают национальные и государственные русские интересы» и «в неизбежном споре Европы с Советской Россией» эмиграция будет на стороне России, «потому что она — Россия»⁸.

Кремль увидел, и не без основания, в «смене веж» инструмент разложения эмиграции. Москва поддерживала это движение финансово, использовала сменовеховские формулы для вербовки сторонников и агентов в эмигрантской среде, а также для привлечения на свою сторону оставшейся в СССР интеллигенции и так называемых «буржуазных специалистов».

Более того, к началу 1930-х годов советское руководство в ходе острой внутренней борьбы убеждалось в том, что марксистская утопия не пригодна для реальной политики. «Национал-большевизм» стал одной из основ сталинского режима, правда, тщательно замаскированной традиционными марксистскими формулами. И авторы «смены веж» Кремлю были не нужны. Практически все переселившиеся в СССР создатели этой теории погибли в ГУЛАГе или подвалах Лубянки. Они могли скомпрометировать сталинский режим излишне откровенными сравнениями

его с империей Романовых в глазах тех, кто по наивности продолжал верить в грядущее коммунистическое завтра.

«Евразийский соблазн»

Соблазном назвал евразийство один из крупнейших российских мыслителей Г. Флоровский. Это определение точно не только в философском, но и в политическом смысле. Как и «смена веж», евразийство зародилось в начале 1920-х годов сначала в Софии, а затем — в Праге. Его создатели — молодые интеллектуалы Н. Трубецкой, П. Савицкий и П. Сувчинский, религиозный философ Л. Карсавин. Вначале с евразийцами тесно сотрудничали крупнейшие российские мыслители и публицисты: теолог Г. Флоровский, историк Г. Вернадский, правовед Н. Алексеев и другие, которые позже превратились в жестких критиков евразийства.

Суть евразийского учения сводилась к несклонным положениям, часть которых была заимствована у теоретиков славянофильства. Русская цивилизация представляет собой синтез Европы и Азии, возникший во многом в результате татаро-монгольского завоевания, утверждали они. Последнее было для России благом, оно позволило создать уникальную величественную государственность, унаследованную от империи Чингисхана. Эта государственность погибла в результате попытки перестроить русское общество на европейский лад. Европа, по их мнению, — «злейший враг» России. А большевистский режим есть не что иное, как бунт против Европы и европейской культуры. Рано или поздно он рухнет и на его месте возникнет подлинно евразийская «идеократическая» империя, вдохновляющаяся не соображениями материальной выгоды, свойственными Европе, но героическими боговдохновенными идеями всеобщего блага и справедливости.

То, что российская государственность до сих пор сохраняет многие черты Золотой орды, в целом верно. Но это отнюдь не благо, как считали евразийцы, а проклятие, обуславливающее отсталость России на протяжении нескольких веков. Остальные тезисы евразийцев имели чисто умозрительный характер и не соответствовали историческим и политическим реалиям. Они, однако, в известной мере оправдывали и революцию, и большевистский режим, сближаясь в этом плане со «сменой веж». Это вызывало резкие протесты в эмиграции. «В революции, — писал, например, Г. Флоровский, — открылась жуткая и жестокая правда о России»⁹.

Эта тенденция приобрела особый размах в левом крыле евразийства, среди последователей которого были не только заблуждавшиеся интеллектуалы, но и активные советские агенты, в частности, муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон. СССР, говорили они, является той самой долгожданной евразийской цивилизацией, которая необходима России. Это крыло превратилось в просоветскую группировку, получавшую финансовую

поддержку ОГПУ. В итоге, к концу 1920-х годов евразийское движение раскололось, а в последующее десятилетие в политическом плане сошло на нет. Ряд его деятелей, в том числе Эфрон и Святополк-Мирский, вернулись в СССР, где были расстреляны.

Интерес ОГПУ к евразийцам в начале 1920-х годов был вызван не только стремлением расколоть и обезоружить эмиграцию. В то время руководство госбезопасности, озабоченное тем, что марксизм не пользуется поддержкой у населения России, искало идеологические альтернативы, позволяющие оправдать большевистский режим. Эти эксперименты были довольно быстро прекращены. Евразийство, как и «смена веж», противоречило теории «пролетарского интернационализма», раздражало левые движения в Европе, использовавшиеся Кремлем во внешнеполитических целях, и мешали Коминтерну и коммунистическим партиям в Европе. Последние были готовы поддерживать СССР, в котором видели тогда зародыш нового справедливого общества, но никак не стремились к сотрудничеству с обновленной Российской империей.

Идеи евразийцев не нашли серьезной поддержки у интеллектуальной элиты русской эмиграции. «Сами по себе идеи эти мало оригинальны, они являются воспроизведением мыслей старых славянофилов, — писал, например, Николай Бердяев. — ...Евразийство есть, прежде всего, направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на происшедшую катастрофу. Такого рода душевная формация может обернуться русским фашизмом»¹⁰. Эти оценки сегодня весьма актуальны. Идеологи нынешнего российского режима используют вульгаризированные версии евразийства для обоснования антизападной внешней политики и авторитарного режима внутри страны.

Юрий Федоров

¹ Цит. по: Б. Г. Струков «В начале противостояния: российская политическая эмиграция и советские спецслужбы».

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С.39—40

³ Цит. по: Б. Г. Струков «Борьба ОГПУ против российской политической эмиграции».

⁴ В. Ф. Ершов «Российское военно-политическое зарубежье в 1918—1945 годах». — Москва. — МГУ Сервис. — 2000. — Стр.17

⁵ Н. Д. Егоров «Разведка Красной армии против Белой эмиграции». — «Новый исторический вестник». — № 1(3). — 2001.

⁶ Мария Карих «ОГПУ: беспощадная борьба с террором». Военно-промышленный курьер, 20 июля 2005.

⁷ Владимир Антонов «Из тех самых Третьяковых».

⁸ М. Геллер, А. Некрич. «История России: 1917—1995. Утопия у власти». — МИК. — Стр. 151

⁹ Г. В. Флоровский «Евразийский соблазн».

¹⁰ Н. А. Бердяев «Евразийцы». В: «Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн». Антология. М., 1993, с. 29

В следующем номере: Часть вторая. День сегодняшний.

Бойся равнодушных

Ниже публикуется в сокращении выступление на вечере, посвященном памяти Андрея Дмитриевича Сахарова (Москва, 14.12.2009). Автор выступления — профессор Франтишек Яноух, известный общественный деятель, физик и писатель, создавший фонд «Хартия-77». Многие упомянутые в тексте факты, к сожалению, неизвестны широкой публике, хотя стоят того, чтобы их узнали...

Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить.
Не бойся друзей — в худшем случае они могут тебя предать.
Бойся равнодушных — они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия миллионы евреев были сожжены в концентрационных лагерях, Рауля Валленберга оставили заживо сгнить в советской тюрьме и Андрея Сахарова могут заставить провести остаток жизни в горьковской ссылке.

(Написано автором в мае 1981 года в подражание тексту из книги Бруно Ясенского «Заговор равнодушных», вышедшей в тридцатых годах минувшего века)

Я заканчивал физический факультет ЛГУ, когда в конце 1953 года узнал из газеты «Правда», что некоего Андрея Дмитриевича Сахарова, год рождения 1921, выбрали прямо в академии, минуя обязательное «членкорство». К тому же его выбрали в области теоретической физики. Тогда я еще успевал хотя бы перелистывать все советские физические журналы, память у меня тогда была еще отличной — но фамилии Сахарова я в журналах ни разу не встретил. За что его выбрали, да еще и в 32 года?

...Интернета тогда еще не было, и я спросил у своего очень уважаемого учителя академика Владимира Александровича Фока. «За секретные работы», — ответил он. «Как Вы могли выбрать в академики человека, не зная его научных достижений?» — не сдавался я. «Я мог посмотреть его работы в Первом отделе, и я уверенно проголосовал за его избрание», — сказал Фок, хитро улыбнулся и закончил на этом наш разговор.

...О том, каким enfant terrible советской академии был Андрей Дмитриевич, я узнал в палатке на Памире от профессора Шафаревича. Он рассказал мне подробно историю скандала, вошедшего в золотые страницы истории АН СССР (1964), с избранием — или точнее — неизбранием в членкоры некоего лысенковца Нуждина. В палатке, установленной где-то на высоте около пяти тысяч метров, где мне это Игорь Ростиславович

рассказывал, наверняка не было подслушивающих устройств — Игорь Ростиславович мог спокойно рассказывать все подробности. Призыв Сахарова не выбирать Нуждина поддержал тогда академик Тамм, его осудил президент Академии и, конечно, сам Лысенко. За «лысенковца» Нуждина в тайном голосовании подали свой голос лишь 22 академика, против, — т. е. послушавшихся призыва Андрея Сахарова — было 126!

С тех пор я с большим вниманием следил за любым упоминанием фамилии Андрея Дмитриевича Сахарова. Помню его интервью с журналистом Эрнстом Генри — и потом, летом 1968 года — сахаровские «Размышления», которые даже в атмосфере пражской весны можно было сравнить с громом среди ясного неба.

После подавления пражской весны советскими танками у меня появились другие заботы. Но моя статья о чехословацко-советских отношениях в физике, которую я написал и опубликовал в 1967 году в Чехословацком физическом журнале, должна была быть опубликована в переводе в сентябре 1968 года, т. е. через месяц после оккупации Чехословакии, в западногерманском журнале Die Physikalische Blätter. После бессонной ночи я решил не отказываться от публикации, а добавил к ней небольшой постскриптум, в котором я впервые в печати поддержал идеи Андрея Сахарова: Физики

«...несут особую интеллектуальную ответственность за высокомерие, над-

менность власти, которую бесстыдно продемонстрировал всему миру еще гитлеровский режим. Сегодняшнее поведение обеих сверхдержав, США и СССР, по отношению к малым и беспомощным странам, как, например, к Вьетнаму и Чехословакии, несет все признаки этого явления. Я хотел бы в этом контексте довести до сведения моих советских коллег, что они никоим образом не избавлены от моральной ответственности за случившееся. Мы с большим вниманием следим за их выступлениями и позициями: ведь это составная часть той совместной ответственности за наше будущее, которую несут интеллектуалы всего мира. В любом случае, уже одни мужественные выступления советского академика Сахарова послужат достаточным основанием, чтобы мы сохранили хорошие отношения с нашими советскими коллегами».

В этой статье я в первый раз публично упомянул имя А. Д. Сахарова...

Так называемая нормализация в Чехословакии принесла с собой новые проблемы. Меня выгнали из института ядерных исследований: я стал на несколько лет безработным. Много месяцев я тщетно старался получить работу по специальности на родине. Тогда я снова обратился с письмом к нескольким советским академиком: среди них были Гинзбург, Леонтович и Сахаров. Письма были отправлены заказными.

Тут начинается удивительная история. Через две-три недели я получил из ФИАНА письмо. Оно гласило:

Дорогой товарищ Яноух!
Вы, очевидно, забыли вложить письмо в конверт, который я получил пустым.
 10.01.1971
 С уважением
 А. Сахаров,
 Член Комитета Прав Человека

Прошу заметить: в письме из ФИАНА (Физический Институт Академии Наук) он подписывается не как Академик, не как Старший научный сотрудник, а как «Член Комитета Прав Человека».

Я ответил академику Сахарову, что я, конечно, вложил письмо в конверт, и что посылаю ему новую копию и буду посылать до тех пор, пока он не подтвердит получение.

Вскоре пришли из Москвы два письма: от академика Леонтовича, обсуждавшего вместе со своими коллегами разные возможности помочь мне. Второе было от Андрея Дмитриевича:

Дорогой Франтишек Яноух!
 Я получил Ваше письмо от 15 января 1971 г. вместе с копией первого письма. Простите, что не ответил сразу, но я был в последнее время очень занят... Я узнал, что Леонтович предпринимает определенные шаги, чтобы помочь Вам... Если Ваша ситуация не улучшится, то напишите мне снова. Начнем обдумывать дальнейшие шаги.

10.03.1971
 С уважением
 Андрей Сахаров

Уже будучи почти три года безработным, в сентябре 1973 года я поддержал в газете «Таймс» предложение присудить Сахарову Нобелевскую премию мира. Я хотел как-то отреагировать на ту гнусную клеветническую кампанию, которая была развязана осенью 1973 года в советской прессе против Андрея Дмитриевича. В своем письме я тогда впервые провел параллель между открытыми мирами Нильса Бора и Андрея Сахарова. Я отправил письмо тогда телексом из Праги: власти к такому нахальству со стороны безработного физика еще не были морально подготовлены. Мою статью «Таймс» незамедлительно напечатал, ее перепечатали или прокомментировали многие другие западные газеты.

...С тех пор Андрей Сахаров прочно вошел в мою жизнь и остался в ней навсегда.

Когда я уехал в 1974 году в Швецию и когда меня лишили чехословацкого гражданства, у меня появилась возможность поехать на Пагуошскую конференцию в Киото, посвященную 30-й годовщине Хиросимы. Я предложил Сахарову обратиться через меня прямо к этому уважаемому форуму ученых. Андрей Дмитриевич согласился, и я огласил его послание к немалому

удивлению и недовольству официальной советской делегации.

...Когда А. Д. Сахаров получил Нобелевскую премию мира, я был по случайному стечению обстоятельств одним из первых, кто ему из Копенгагена позвонил, и 10 декабря я стал одним из немногих личных гостей А. Д. Сахарова на нобелевской церемонии в Осло. Тогда я и познакомился лично с Еленой Георгиевной и во время нобелевских церемоний стал ее «тайным советником в тонких вопросах современной ядерной физики», как она признается в предисловии, которое Андрей Дмитриевич и она много лет позднее написали к русскому изданию моей книжки «Нет, я не сожалею».

Мне надо упомянуть еще один важный эпизод в наших контактах: За публикации сахаровских статей я получил кое-какие гонорары. Я предложил А. Д. Сахарову использовать часть «его денег» для помощи детям чешских политзаключенных, попавших в тюрьму, или потерявших работу вследствие советской оккупации Чехословакии. В течение ряда лет, через фонд «Хартия 77», который я основал в Стокгольме, несколько дюжин чехословацких семей стали получать из Швеции конверты с валютными сертификатами и с записками на русском языке:

По поручению профессора Андрея Дмитриевича Сахарова, действительного члена Академии Наук СССР, трижды героя СССР, неоднократно получившего орден Ленина и Государственные премии СССР и также Нобелевскую премию мира.

Сахаровские денежные переводы из Стокгольма до сих пор в живой памяти многих чехов и словаков.

Потом Андрея Дмитриевича сослали в Горький. Во многих университетах я читал о нем лекции. В частности, в крупнейшей физической лаборатории ЦЕРНа в Женеве и даже в китайской Академии наук. Мои китайские коллеги устроили мне сюрприз: моя сахаровская лекция была напечатана на китайском языке в журнале «Диалектика».

...Важно было, чтобы советские власти чувствовали, что Андрей Дмитриевич не забыт в горьковской ссылке. Спустя пару месяцев после окончания московской олимпиады, когда стало ясно, что советская власть собирается «забыть» Сахарова в Горьком, я написал следующее письмо западным коллегам, которое было опубликовано в ведущих научных журналах мира: *Physic Today*, *The Bulletin of the Atomic Scientists* и *The Nature*:

Кончились Олимпийские игры. Кончились и надежды, что академику Андрею Сахарову разрешат вернуться в Москву из ссылки в Горьком. Сахаров находится в этой ссылке уже свыше девяти месяцев. Ему не разрешают участвовать в семинарах, бывать

на лекциях; у него нет доступа к научной информации, столь важной для его исследований. Книги и журналы привозят ему родственники из Москвы, и на это уходят недели и даже месяцы. С января его коллеги из Лебедевского института смогли посетить его всего лишь трижды.

Несмотря на это, он написал три научных работы, английские переводы которых были опубликованы в США, в Стэнфордском университете: «Оценка кварк-глюонной константы связи», «Космологические модели вселенной с поворотом стрелы времени» и «Массовая формула для мезонов и барионов».

Мне кажется, что настало время, когда всемирное сообщество ученых должно усилить свои старания помочь нашему выдающемуся коллеге. Из последнего сообщения Сахарова очевидно, что ему больше всего не хватает информации о том, что происходит в физике.

Для физиков не должно представлять никакого труда преодолеть этот информационный барьер.

Андрей Сахаров после освобождения из Горького, 1987 год

Пусть теоретические институты, лаборатории и группы со всего мира начнут посылать Сахарову свои препринты, лекции и рапорты. Посылайте их заказными, с красным уведомлением о вручении», по адресу:

Профессор Андрей Сахаров, Проспект Гагарина 214, кв. 3, Щербинка 2, Горький, СССР.

Не стесняйтесь требовать от вашего местного почтового отделения расследования в случае, если красная карточка с подписью Андрея Сахарова не вернется к вам приблизительно в течение одного месяца. Ваше местное почтовое отделение обязано — согласно международному почтовому соглашению — провести расследование, и в случае, если не будет доказательств, что почтовое отправление было вручено адресату, выплатить вам денежную компенсацию.

Такое мероприятие, проведенное в мировом масштабе, не только предоставит Андрею Сахарову необходимую научную информацию, но оно также принесет ему существенную моральную поддержку. Оно будет важно и для советских властей: они убедятся, что дело Андрея Сахарова совсем не забыто всемирным сообществом ученых.

Мой призыв имел успех: сотни, может быть, тысячи западных коллег начали отправлять свои работы в Горький. Некоторые мне написали, что получили от Сахарова открытку или же приветствие на почтовом уведомлении о вручении. Андрей Дмитриевич мне позднее сказал, что препринтов было много.

Лишь в 1987 года, когда я перестал быть persona non grata в СССР, и я, после 17 летнего перерыва мог снова побывать в СССР, мы с Андреем Дмитриевичем, наконец, встретились, и в течение 1987—89 годов встречались много раз.

В последний раз я говорил с Андреем Дмитриевичем по телефону 24 ноября 1989 года. Я заказал разговор с ним на половину десятого вечера по стокгольмскому времени. Ожидая звонка, я узнал, что в Праге «революция»: в отставку ушло все руководство КПЧ. Мы с женой открыли шампанское, чтобы отпраздновать это событие, а когда, наконец, меня соединили с Москвой, весь разговор с Андреем Дмитриевичем касался фактически последних событий в Чехословакии.

Оказалось, что Сахаров еще ничего не знал о последних, «потрясающих» (по его словам) событиях. Он очень обрадовался и хотел слышать все подробности. Я почти забыл, зачем, собственно, позвонил ему, но Сахаров вдруг сам вспомнил об этом: «Да, я обещал написать предисловие к вашей книге. В редакции „Иностранной литературы“ хотели, чтобы я продиктовал им предисловие на магнитофон, но я бы предпочел написать его своей рукой. Предисловие будет коротким, у меня сейчас очень много работы по подготовке к заседанию Съезда народных депутатов. Я напишу его сразу же после окончания съезда...»

14 декабря 1989 года утром Джорджа Сороса, Карла Шварценберга и меня в Праге принял новый премьер Чехословакии Мариан Чалфа. Я проинформировал премьера о деятельности фонда «Хартия 77» в Стокгольме и сообщил ему, что мы намерены перенести его деятельность в Чехословакию, и просили его содействовать этому.

Мы отправились прямо от премьера в пражскую гостиницу «Интерконтиненталь» на учредительное заседание чехословацкого филиала Фонда «Хартии 77». Я внес предложение сделать Андрея Сахарова одним из почетных попечителей этой организации...

«Академик Сахаров ночью скончался», — сказал мне один из присутствующих.

Несколько минут я не способен был сосредоточиться и продолжать вести это заседание. Сообщение, заставшее меня в разгаре «бархатной революции» в Праге, было настолько жестоким и бессмысленным, что я не мог поверить в его правоту.

Когда я, наконец, немного пришел в себя, то меня охватило чувство глубокого сожаления, что уже никогда я не смогу рассказать Андрею Дмитриевичу о своих впечатлениях из революционной Праги...

Долгое время я думал, что сахаровское предисловие к моей книге так и осталось ненаписанным. Лишь 10 февраля я узнал, что Елена Георгиевна нашла в папке с русским переводом моей книги «Нет, я не сожалею» черновик предисловия Андрея Дмитриевича. Мне трудно было сдержать волнение: моя книга была, вероятно, последней, прочитанной Андреем Дмитриевичем, а его предисловие — одним из последних, если вообще не самым последним написанным им текстом.

«Андрея Сахарова больше нет среди нас. Оценить его значение — политика, человека, ученого — не просто. След, который он после себя оставил, поистине гигантский. Пройдут, наверное, годы, пока мы будем в состоянии полностью осмыслить феномен Сахарова. Как физик он обладал необыкновенным научным талантом, интуицией и оригинальностью. Сахаров-политик был смелым, бескомпромиссным и дальновидным. И неуступчивым. Его неуступчивость часто являлась источником непонимания, удивления и даже осуждения. В его огромном человеческом сердце имелось место для всех, кого оскорбили, кого преследовали, осуждали, сажали в тюрьмы, избивали, посылали в ссылку. У него всегда находилось время, ласковое слово, и если надо было — и деньги для оказания поддержки, а также — смелые выступления в защиту узников совести.

Безвременный уход из жизни Андрея Дмитриевича Сахарова оставил в нас, знавших его, чувство глубокой грусти и невозможной утраты. Его морального авторитета, его кристальной чистоты (как когда-то сказал о нем Никита Хрущев), его неподкупности, его отваги, помогавшей ему защищать свои взгляды и бороться за них, будет не хватать в той критической ситуации, в которой сейчас находится СССР. Андрей Дмитриевич Сахаров был совестью не только Советского Союза, но и всего человечества».

К этим моим словам, написанными в 1990 году для сборника «Он между нами жил...», мне нечего добавить — я мог бы подписаться под ними и сегодня, двадцать лет спустя.

Франтишек Яноуш,
Москва — Прага — Стокгольм
Публикуется с позволения автора

Москва прощается с Андреем Сахаровым, фото из журнала «Огонек»

О РОА и не только

Мы публикуем отрывок из одного из многочисленных читательских отзывов на статью Юрия Федорова «Герои, предатели или предтечи?», опубликованную в № 12/2009.

Хочу выразить огромную благодарность редакции журнала «Русское слово» за статью Ю. Федорова «РОА: предатели, герои или предтечи», размещенную в декабрьском номере издания.

Я — русский общественный деятель, уже почти год живущий в Чехии, хотя страну эту знаю и люблю давно. Уехать из России меня вынудило нарастающее «закручивание гаек» по отношению к любой независимой деятельности в стране, а также общее омерзение от на глазах возрождающегося советизма. Нет больше никаких моральных сил ни смотреть российское телевидение, ни, вспоминая профессора Преображенского, «читать советские газеты». Страна ускоренными темпами возвращается в эпоху Совдепа...

Коммунистическая номенклатура при активном участии чекистов собственными руками демонтировала Советский Союз и убила все достижения советского строя, успешно приватизировав под себя социалистическую экономику. В результате этих событий сомнительные с этической точки зрения плоды Победы 1945 года были окончательно и бесповоротно утрачены, и чтобы вернуть их, нужно возрождать не советскую фразеологию, а сталинскую политику, начиная с обобществления средств производства и тотальной зачистки коррумпированной правящей элиты, на что номенклатура из «Единой России» никогда не пойдет. В то же время страна не прошла и реальную декоммунизацию с люстрацией партноменклатуры и сотрудников госбезопасности и безоговорочным осуждением советского строя, как это было в странах Восточной Европы и Прибалтики.

...Возрождаемый усилиями массивированной пропаганды и обретающий почти сакральный характер культ Великой Победы является частью этого омерзительного фарса. Поэтому вдвойне мучительно видеть свистопляски на эту тему и подыгрывание неосоветской пропаганде в русскоязычных газетах за рубежом, в частности Чехии. Причем, при всей разнице во взглядах между проправительственными и либерально-оппозиционными изданиями, в этом вопросе они занимают поразительно единую позицию — видно, сказывается и то, что даже либерализм в нашей стране остался советским, так и не сумев вернуться к своим русским корням. В итоге почти во всех русскоязычных изданиях мы видим безальтернативное преподнесение информации о Второй мировой войне в духе культа Великой Победы и безоговорочное осуждение русских и других людей, осмелившихся повернуть оружие против коммунистической «мачехи-родины», как «предателей Родины» и «пособников нацизма».

В этих условиях для всех русских людей, задыхающихся от смрада советской пропаганды, правдивая публикация о РОА в вашем журнале есть не что иное, как глоток свежего воздуха, который нельзя представить себе на страницах какого-либо из ведущих изданий в современной России. Для примера, пару лет назад главный редактор «Парламентской газеты», допустивший у себя правдивую публикацию о Локотской республике, буквально на следующий день был вынужден уйти со своей должности. Уже открыто обсуждается введение уголовной ответственности за отрицание или умаление Великой Победы, демонтируются памятники русским героям вроде ветерана Первой

мировой войны Петра Краснова за то, что во Второй мировой войне он считал, что коммунизм хуже, чем немцы, против которых сражался в начале века, и т. д., и т. п.

...Поэтому в сухом остатке для нас, потомков тех русских людей, которые воевали в той войне с обеих сторон, остается только вопрос об этическом выборе наших предков.

Никто не спорит, что люди, вставшие на защиту своей родины от явного внешнего врага, заслуживают признания и уважения как защитники Отечества.

Вопрос ведь в другом — как относиться к тем, кто захотел воспользоваться долгожданной представившейся возможностью, о которой и мечтать-то многие не могли, для освобождения себя и своей страны от одного из наиболее отвратительных режимов за всю историю человечества? И ярлык «предателей родины», который навешивается на них официальной пропагандой, подводит нас к осмыслению одного из ключевых вопросов нашего национального и духовного самосознания — является ли эта самая «родина» той безусловной ценностью, которую мы обязаны защищать от посягательств при любых обстоятельствах?

Обязаны ли мы защищать «родину», которая отказывает нам в элементарном человеческом достоинстве и правах, уничтожает храмы и верующих, истребляет целые классы и народы, лишает человека возможности выбора, где и как ему жить, творить, работать? И какой «патриотизм» в таком случае нам насаждают те, кто предлагает ответить на этот вопрос положительно?

...Речь не идет о том, чтобы отказать в праве на почет и уважение тем, кто проливал свою кровь, защищая Родину от видимого врага. Речь об освобождении нашего национального самосознания от идолопоклонничества «Родине-Матери», безусловная, наперекор всем возможным религиозным, национальным и гуманитарным соображениям, верность которой всех ее народов, конфессий и граждан навязывается нам госпропагандой как бесспорная ценность.

Эта пропаганда сегодня является яблоком раздора не только между неосоветской Россией и Украиной, которая пытается обрести национальное историческое самосознание, подчеркнув, путем примирения всех украинцев, с какой бы стороны они ни воевали в те лютые годы.

...Все эти вопросы мгновенно всплывают на поверхность при обсуждении такой острой и дискуссионной темы, которую подняла редакция вашего журнала на его страницах. Наверное, именно поэтому в России этой возможности мы уже лишены — люди если и обсуждают подобные вопросы, то только в Интернете, но и здесь МВД уже готовит комплекс мер, которые позволят ему эффективнее пресекать «экстремизм» на просторах российской части всемирной паутины.

Что ж, остается надеяться, что хотя бы за пределами России, как это уже было во времена первой волны эмиграции, у русских людей будет возможность свободно обсуждать не только прошлое, но настоящее и будущее своей страны. За что еще раз и хотелось бы выразить признательность редакции журнала «Русское слово».

Артур Судетский

Леонид Шинкарев

Опыт психологических очерков

В издательстве Akropolis, при поддержке «Русской традиции», вышел чешский перевод книги Леонида Шинкарева «Я это все почти забыл...» — Všecko jsem skoro zapomněl..., посвященной оккупации Чехословакии в 1968 году.

Сначала зазвонил телефон. Писатель и путешественник Мирослав Зикмунд еще летом 2008 года предупредил меня, что получил драгоценную посылку. Я сразу представил себе украшения из сокровищниц инков, рубин Махараджи или ритуальную маску из Африки. Но мои буйные фантазии охладил тот факт, что речь шла о книге «какого-то» Леонида Шинкарева. Затем к своему великому стыду я узнал, что Леонид Шинкарев — известный русский публицист и даже носитель звания «Легенда русской журналистики», а к тому же его друг: «В 1963 и 1964 году он сопровождал меня и Йирку Ганзелку в пути по Сибири, без него во многие места мы просто бы не попали», — констатировал Мирослав Зикмунд.

Больше всего он меня удивил, когда сказал: «Книга называется „Я это все почти забыл...“, она повествует об оккупации Чехословакии в 1968-м. А также о лицемерии тогдашних аппаратчиков, гнусностях советской империи и причинах ее конца. Книга еще интересна и тем, — добавил Зикмунд, — что над ней он, русский, рабо-

тал двадцать лет, и ничего более фундаментального я пока еще не читал».

Потом Мирослав Зикмунд спросил меня, не знаю ли я кого-нибудь, кто этот немалый объем текста может перевести на чешский и издать. Я пообещал ему, что с радостью помогу. Я позвонил Йирке Странскому, Вашеку Данеку и Людмиле Душковой. Так я стал в некотором роде искрой, ведь результатом всех трудов, которые нас ожидали, стала вышедшая недавно книга *Všecko jsem skoro zapomněl...* с подзаголовком «Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году». Перевели ее Вашек с Людмилой, выпустило издательство Akropolis. На этом моя роль посредника не закончилась.

В начале декабря 2009-го я в числе других чешских писателей попал на московскую книжную ярмарку. Скорее всего, вмешалась та же рука судьбы, благодаря которой произошел тот, самый первый, телефонный разговор, иначе я бы не очутился дома у Леонида Шинкарева и его жены Нели. Не смог бы с ними так душевно поужинать, не смог бы с легендой журналистики сделать это мини-интервью.

Презентация чешского издания книги Леонида Шинкарева

«Я это все почти забыл...» — Všecko jsem skoro zapomněl...

состоится 4 марта в Зале заседаний Национальной библиотеки ЧР (Клементинум, 2 этаж).

В презентации примут участие автор, путешественник Мирослав Зикмунд и издатель Йиржи Томаш (Akropolis). Книгу представит переводчик Вацлав Данек.

Начало — в 17.00.

Klementinum 190 (1. patro), Praha 1

И вот сидим мы на семнадцатом этаже в северо-восточной части Москвы. Пьем вино. Вокруг на стенах — сплошные книги. От пола к потолку. Это для Шинкаревых естественно: Неля занимается литературой и лингвистикой. Есть еще картины. «Эту картину мне подарил Олег Целков, который живет в Париже, — говорит мне хозяин, — а вот эту пастель слева нарисовал Ладо Гудиашвили, его когда-то преследовал Сталин». То тут то там фотографии: Леонид Шинкарев с Далай-ламой, Вацлавом Гавелом, своим другом Евтушенко...

Повсюду расставлены статуэтки, памятные сувениры, мелочи, подарки отовсюду: от Владивостока и Юго-Восточной Азии до Африки и Америки. До сих пор перед глазами у меня моржовый клык с рисунками оленей, собак, саней, мужчин, женщин и детей... «Это была увлекательная, захватывающая история путешествия по снежным якутским равнинам», — объясняет Неля. Я киваю. Понимаю, сибирский комикс... и разговор мирно продолжается дальше, я узнаю что-то о дочке в Швейцарии, о внуке...

Говорим о прошлом, настоящем и будущем, обсуждаем несколько свежих впечатлений и далеких воспоминаний и подходим, наконец, к книге, о которой я пришел поговорить, и спрашиваю, как будто невзначай: «Вы почти все забыли?» — «К счастью, нет! К счастью, мне помогла память десятков других людей. Архивы, документы, фотографии, хроника... ничего нельзя исказить и скрыть. Эти двадцать лет поиска стоили того».

Пока я думаю, что сказать остроумного по поводу «поиска потерянного времени», как у Марселя Пруста, Шинкарев уходит в рабочий кабинет. Возвращается и дает мне папку с копиями вырезок из газет: «Это отзывы на книгу, опубликованные за последние полтора года в российских газетах». Читаю их. Евтушенко даже написал оду. Но больше всего меня заинтересовала рецензия из журнала «Деловой вторник». Она вышла 2 сентября 2008 года во время военного конфликта России с Грузией. Автор Павел Гутионтов ее назвал «В тени Праги», и заканчивается она такими словами: «Книгу Шинкарева „Я это все почти забыл... Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году“ я бы изучал на факультетах журналистики как отдельный предмет. Ну, и на истфаках, разумеется, тоже. И, конечно, на стол действующим политикам — каждому. Правда, издана она тиражом 1000 (тысяча) экземпляров, и на всех политиков ее не хватит. В печать она подписана 20 июня 2008 года. Интересно, каким тиражом издадут через сорок лет такую же книгу — о Грузии? И кто из моих современников напишет ее?» Думаю, что можно начать интервью.

— Почему в России Ваша книга вышла тиражом только одна тысяча экземпляров? Я думаю, это маловато для страны с населением 160 миллионов. И еще: как

в 1968 году советским людям виделся ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию — как «помощь» или как «оккупация»?

— К сожалению, тираж устанавливает не автор, а издательство. Учитывают свои финансовые возможности, состояние книжного рынка, спрос на литературу такого рода. Один читатель мне написал, что книга читается как детектив. Если бы события 1968 года были в книге только фоном для какой-нибудь детективной истории, да еще с откровенными любовными сценами, тираж был бы совсем другой. Но это все же не детектив. Тут история, психология, общественная нравственность или безнравственность — как посмотреть. И если в наши времена эти вопросы вызовут интерес целой тысячи человек, а возможно, и больше — разве это не обнадеживает?

С началом вторжения у нас обнаружили не две оценки события, а как минимум три. В среде функционеров и интеллигенции, в основном в городах, существовал слой, который считал ввод войск «помо-

щью», другой слой считал «оккупацией», но большинство населения глубинки, далекой провинции, где нередко жили, как их деды, при керосиновой лампе и видели пустые прилавки магазинов, слыша об этих оценках, свое собственное отношение выражало молчанием или тихим, осторожным вздохом: «Нам бы их заботы!» Не возьмусь утверждать, что сегодня, сорок с лишним лет спустя, отношение к политическим дискуссиям в обществе принципиально изменилось. Что же касается лично моей оценки, она содержится в книге, и я не хочу лишать себя удовольствия заинтриговать читателей.

— Как Вы думаете, что нового содержит Ваша книга для чешских читателей?

— В основе книги лежат материалы, которые я собирал я в архивах Москвы и Праги больше 20 лет. Не могу сказать, что они принципиально меняют наше представление о происшедшем, но смею надеяться, что сведущего читателя, знакомого с обширной

Журналисты на церемонии подписания протокола были приглашены, когда из пепельниц были высыпаны окурки, а участники переговоров занялись подсчетом страниц...
Кремль,
26 августа 1968.

«Наш народ полностью поддерживает мудрую, принципиальную и гибкую политику ЦК КПСС и советского правительства...»
(«Правда»,
29 августа 1968)

литературой на эту тему, привлекут документы, которые раскрывают, прежде всего, психологическую сторону драматических событий. Как я пишу в предисловии, меня занимала в этой работе, прежде всего, психологическая сущность индивидуальных и групповых поступков, оказавших влияние на ход истории.

Помимо архивных документов, других печатных источников, существует не менее важная, на мой взгляд, устная история, сохраненная в цепкой памяти свидетелей и участников событий. В 1980—2007 годах с диктофоном в руках я беседовал со многими руководителями Чехословакии и СССР, партийными и государственными деятелями, генералами, офицерами, солдатами, сотрудниками органов безопасности, деятелями науки, культуры и т. д. Продолжительные беседы были с Дубчек, Гавелом, Черником, Гаеком, Ленартом, Млынаржем, Цисаржем, Мазуровым, Зимяниным, Шелестом, Яковлевым, многими другими, в том

Отрывок из книги Леонида Шинкарева «Я это все почти забыл...»

Когда 23 августа в здании ЦК на Старой площади в Москве доставленный с аэродрома Дубчек впервые после ввода войск встретился с Брежневым, они оба были уже не те, какими выглядели в Чирне-над-Тиссой и в Братиславе. Они стояли друг против друга, одинокий нервный пленник и хозяин положения, не желающий смириться с провалом. Тому и другому надо было держать себя в руках, искать выход из ситуации, проигрышной для всех. Но пока Брежнев и его окружение могут покуражиться над выбитым из колеи и насильно доставленным сюда «Сашей».

Брежнев не знал, что в аэропорту Ружине, перед посадкой в советский самолет командир 7-й воздушно-десантной дивизии Л. Н. Горелов уговаривал Дубчека оставить обращение к народу, но Дубчек упрямылся и вообще не хотел подниматься в самолет. «Не я, так другой...», — убеждал полковник. И вдруг с Дубчеком что-то случилось, он понял, что упрямство бессмысленно, и словно уже увидел себя в холодной России, среди таежных костров и сторожевых собак, и к полной неожиданности полковника и других офицеров спросил: «У вас нет водки?» Один из офицеров достал из кармана четвертинку. Дубчек сделал пару глотков и стал подниматься в самолет.

И вот Дубчек в Кремле.

«Брежнев. Как чувствуете себя т. Черник?»

Дубчек. Плохо, как и все.

Подгорный. Здоровье плохое или настроение?

Дубчек. Тяжело.

Брежнев. Конечно, мы не можем сказать, что у вас веселое настроение. Но дело не в настроении. Надо благоразумно и трезво вести беседу в направлении поисков решения».

Несколько минут спустя:

«Дубчек. У меня тяжелое состояние — солдаты, все время под ружьем, семь часов не мог из машины выйти, с двух сторон с автоматами, бронемашины. Вы думаете, легко это?»

Брежнев. Имелась в виду безопасность.

Косыгин. Я приехал в Карловы Вары, и вы мне дали пять человек охраны. Я не волновался. Наоборот, я был им благодарен.

Дубчек. Тов. Косыгин, это сравнивать нельзя. Вас охраняли добровольно, а здесь насильно. Но давайте это не трагивать...»

Еще фрагмент разговора:

«Брежнев... Может быть, пригласить т. Черника?»

Дубчек. По-моему, лучше было бы, если бы привезли Смирковского и устроили где-нибудь здесь.

Брежнев. Кригеля не нужно?»

Вот мгновение, когда выдержка впервые оставляет Брежнева. Он подает реплику, оценить которую могли только стоявшие рядом соратники. Для Кремля Смирковский, Кригель, Гольдштюккер, Шик как красные тряпки для быка, самые одиозные фигуры, даже физически неприятные. И когда Дубчек назвал Смирковского, из темных глубин бессознательно вырвалось у Брежнева это возмущенное, язвительное: «Кригеля не нужно?»

Нелегко членам Политбюро найти способ доломать Дубчека, сделать податли-

вым, приручить. Ему готовы простить прегрешения, если признает, что это не он, а другие, его соратники, спутали карты, сбили с толку. И протягивают соломинку, чтобы ухватился?

«Брежнев. То, что мы говорим, это мы не навешиваем на тебя, это за твоей спиной многие делали, ты всего не мог знать».

Ну, хватайся скорее, покаяйся, обещаю исправиться, скажи ожидаемые тривиальные слова, это ничего не стоит, твое покаяние никто не воспримет всерьез, но будет соблюден ритуал, и ты снова прежний Саша, дорогой Александр Степанович.

Но когда Дубчек не примет правила игры, тон разговора станет другой.

«Косыгин. Вы отвечаете за Чехословакию. Это ваша обязанность — думать. А кто за вас будет думать? Были ошибки? Были ошибки. Нужно выйти из положения. Ищите выход, думайте...».

Как им понять друг друга?

Дубчек по врожденному простодушию, по тогдашней своей наивности искренне верил в идеалы. А у собеседников, коривших его за недостаточную тем идеалам преданность, веры в идеалы давно не было.

Доставленные в Москву чехи и словаки были растеряны перед бессмыслицей ситуации: обиду нанесли те, ближе которых, им казалось, не бывает.

Кремлевское руководство тоже попало в западню. Случись на улицах Праги вооруженное восстание, раздавайся из-за углов, с балконов, из окон пальба, можно было бы оправдать военную операцию, одну из самых крупных в Европе после Второй мировой войны: вынудила контрреволюция!

числе и теми, кто о событиях рассказывал впервые. К сожалению, многих собеседников уже нет среди нас. В моем архиве 156 аудиокассет по 90 минут.

Через всю книгу проходит моя переписка с Йиржи Ганзелкой и Мирославом Зикмундом на протяжении более сорока лет. Впервые мы встретились в Иркутске в 1963 году и уже никогда не теряли друг друга. Для миллионов моих соотечественников в Сибири, на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере, в других регионах Союза эти два великих путешественника были первыми увиденными «живыми» чехами. Именно по впечатлениям от этих двух многие у нас стали представлять себе чешский народ, почувствовали повышенный интерес к нему и любовь. Это одни из самых честных и порядочных людей, каких я встречал в жизни. Йиржи Ганзелка не дожил до наших дней. Мирослав Зикмунд не так давно отметил в кругу друзей в Злине свое 90-летие, и я был счастлив, что подслеповатыми уже глазами он прочитал эту мою книгу и позвонил мне.

— *Надеетесь ли Вы, что эта книга сегодня вызовет интерес также у чешской и российской молодежи?*

— Когда я писал книгу, я не думал о том, кто будет ее читать. Мысли мои были только о том, что я должен снять с души тяжелый крест, который многие годы давил меня, и выполнить свой долг перед чешскими друзьями, по которым события 1968 года прошли тяжелым катком, оказались мучительнее и разрушительнее, чем для меня и моего окружения. Закончить эту книгу было долгом, повторяю, перед дорогими мне Йиржи Ганзелкой и Мирославом Зикмундом. Теперь, когда книга увидела свет, можно подумать еще о чем-то другом.

На книгу были рецензии во многих печатных изданиях России и Украины. Мне особенно приятно, что читатели не пропустили, уловили важный для меня момент:

я писал не о политике, не об институтах власти, не о народах и идеалах. То есть, не только обо всем этом. А прежде всего — об отношениях между людьми. В том числе, на вершине власти. Об отношениях, на которых все остальное или держится, или валится.

Конечно, для сегодняшней вашей и нашей молодежи 1968 год уже далек, время стирает остроту событий. Жизнь так динамично развивается, что скоро и этот эпизод, возможно, будет размыт в тумане времени, как Троянская война. Но забвение уроков чревато непредсказуемыми опасностями. Думаю, молодые люди, хотя бы некоторые, это осознают. Во всяком случае, когда мой внук, дочитав эту книгу, нашел в ней кое-что для себя «интересное», я подумал, что нашему поколению пока рано отчаиваться.

Антонин Бая

Текст написан для газеты *Literární noviny*, публикуется с позволения автора

Фото: Андрей Меляков и книга «Я это все почти забыл...»

Непротивление выставило пришедшие войска ненужными, нелепыми, смешными.

Это было сокрушительное моральное поражение СССР.

(Стенограмма переговоров тт. Брежнев Л. И., Косыгина А. Н., Подгорного Н. В., Воронова Г. И. с тт. Дубчеком и Черником 23 августа 1968 г.)

Кремль,
на переговорах
23-26 августа
1968

«Встреча прошла в атмосфере доброжелательности и полного обоюдного согласия...» (из московской печати)

История с точки зрения нравственности

В пражской Славянской библиотеке 16 марта состоится презентация книги «История России. XX век» под редакцией доктора исторических наук, профессора МГИМО Андрея Зубова, выпущенной в ноябре в московском издательстве «Астрель». Этот двухтомник создатели называют первым «несоветским» трудом по истории страны.

От школьного учебника — к гуманитарной сенсации

Книга «История России. XX век» вышла в октябре и сразу же (впрочем, предсказуемо) была полусерьезно названа «первым кандидатом на рассмотрение президентской комиссии по „фальсификации истории“». Впрочем, эта шутка недалеко от правды, поскольку шуму вокруг книги поднялось предостаточно. В своем блоге историк Сергей Волков, автор фактологической справки в этом же двухтомнике, описал историю его возникновения: «...Идея этой книги родилась (сколь бы странным это кому-то ни показалось)... в ведомстве Суркова. Продвигая в качестве основного школьного учебника филипповско-даниловские сталинистские упражнения, там озоботи-

лись созданием видимости альтернативы („а вот у нас есть и такое“), и это должен был быть „Солженицынский учебник“. Пусть и небольшого тиража... Солженицын, однако, ни писать, ни составлять его был уже не в силах и указал на А. Б. Зубова как на человека наиболее близких ему взглядов..., взяв на себя ответственное редактирование. ...Но, как бы там ни было, а идея „Солженицынского учебника“ была провалена, и сурковское ведомство утратило к книге всякий интерес. Не знаю, честно говоря, лучше ли было в данном случае „поступиться принципами“, чтобы такой учебник состоялся, или нет, попал бы он реально в школы и был ли в этом смысл... Надо сказать, что Зубов предпринял поистине героические усилия, чтобы книгу (разрешуюся по сравнению с первоначальным

замыслом вдвое) все-таки издать, и довел дело до конца».

Александр Солженицын действительно работал над текстом будущего учебника в течение полутора лет. Впоследствии писатель отказался поддерживать проект. В своем письме ответственному редактору книги А. Б. Зубову он объяснил свое решение следующим образом: «Я согласился поддержать проект создания школьного учебника истории России XX века, поскольку считал и считая это задачей первоочередной важности. Но когда этот проект, при Вашем редакторстве, приобрел конкретные очертания, исключаящие исходный замысел, я понял, что не могу с ним солидаризоваться, ибо не согласен как с его неконтролированно выросшим объемом, с его структурой и формой, так и с рядом его идей и оценок...»

Глядя на выпущенные в результате два увесистых тома, можно легко согласиться, что этот труд никак не может стать школьным учебником. Но если его хотя бы начнут читать школьные учителя, это уже принесет пользу поколению, которое они воспитывают.

История повторяется

Ровно год назад «Русская традиция» выпустила свою книгу с похоронной историей, «Дом в изгнании». Она изначально задумывалась как история русской диаспоры в Чехии и, в общем, стала ею, но совсем не в том ключе, как того хотел российский МИД, инициировавший выпуск подобных книг во многих странах мира. Если попытаться посмотреть на всю эту историю по прошествии года отстраненно, то становится ясно, что ведомство, сделав заказ, не попыталось вникнуть в «ситуацию на местах». А если бы вникло, то поняло бы, что русская эмиграция в Чехословакии и Чехии никак не вписывается в красивую картину «Русского мира», отчаянно создающуюся кремлевскими агитаторами. Надо либо повзрослеть и научиться принимать информацию так, как она есть, либо контролировать каждую букву от начала работы до конца и получить грамотный «фальсификат в интересах России». Так же и с «альтернативным» учебником истории.

Второй интересный момент, ставший общим для «Истории России» под редакцией А. Б. Зубова и «Дома в изгнании» — спекуляции вокруг фигуры генерала Власова. «Историю» открыто называют «власовским двухтомником», при том что места для освещения деятельности РОА и самого генерала там отведено не так уж много. Частично это напоминает шумиху вокруг еще одной книги, которую мы уже неоднократно упоминали в «Русском слове» — речь идет о сборнике статей и проповедей о. Георгия Митрофанова «Трагедия России: „запретные“ темы истории XX века». После его выхода автору приписали попытку провозгласить Власова святым и устроили на эту тему бурную дискуссию, к которой, в силу своего географического положения и причастности (хоть и косвенной) к теме, присоединились и мы.

И вот что интересно: книга Митрофанова вышла очень маленьким тиражом (семь тысяч экземпляров для России — ничто) и фактически ее мало кто читал. Мне в руки она попала уже после того, как отшумели основные страсти, и вдруг оказалось, что она совсем не об этом. Даже тексты выступлений о. Георгия на панихидах разных лет по генералу Власову и воинам РОА посвящены совсем не превознесению погибших. Чему именно — мы попытаемся разобраться в следующих номерах журнала. Но факт, что сейчас имя Власова действует на общественность, как лампочка на собаку Павлова: стоит ему в любом, лишь бы не однозначно отрицательном контексте, появиться на бумаге, как издание тут же презрительно клеймится словом «власовский».

Вывод прост: прежде чем браться за подобные рассуждения, надо всегда знакомиться с первоисточниками, а не судить о них со слов других.

В поисках смысла

Вернемся же к «Истории России XX века». Коллектив из сорока авторов, живущих не только в России, но и в других странах мира, впервые создал пособие по российской истории, где события оцениваются не столько с геополитической точки зрения (как, к примеру, в упоминавшемся уже «официальном» школьном учебнике «История России 1900—1945» Сталин называется эффективным менеджером, а репрессии миллионов людей оправдываются государственными интересами), сколько с точки зрения нравственности. «Добро и зло не должны быть безоценочно перемешаны в историческом повествовании», — поясняется в предисловии. Такая позиция, возможно, придает книге оттенок некоторой субъективности (тем более что описания многих событий сопровождаются воспоминаниями очевидцев), но тем она и ценнее для общества.

Легко сейчас осуждать тех же солдат РОА — мол, продались врагу, предатели. Но что заставило их вступить во власовскую армию, как они 65 лет назад сами оценивали свои шансы на победу и, в конце концов, какую страну считали своей родиной — Советский Союз или Российскую империю, окончившую свое существование в 1917 году? Ведь далеко не все человеческие поступки объясняются государственными интересами...

Второй важной особенностью этого труда является огромное внимание, уделяемое авторами и составителями теме Зарубежной России. Впервые в таком объеме и с такой детальностью описывается жизнь русской эмиграции, история Финляндии и Польши в межвоенный период, а также события последних 20 лет, следовавшие за распадом СССР в бывших советских республиках.

В качестве итога процитирую отзыв на книгу, оставленный читателем Виктором Аверковым на сайте интернет-магазина

«Озон»: «...Если угодно, проф. А. Б. Зубов и его огромный авторский коллектив стали продолжателями дела русских летописцев и дореволюционных историков, а также религиозных философов русской эмиграции, искавших смыслы и значения истории и поступков людей с позиций высших, абсолютных ценностей. Насколько эти подходы выдержаны на протяжении всей книги — еще предстоит проанализировать и доработать в последующих изданиях. Но уже ясно, что книга имеет беспрецедентное значение для всех россиян, которые хотят узнать, как жили их старшие современники, и какой смысл имел путь России и ее народа в XX веке».

Напоследок — приятная новость. 14 января российское правительство дало отрицательное заключение по поводу скандального законопроекта о внесении изменений в Уголовный кодекс (УК), предусматривающий уголовное преследование за отрицание победы СССР в Великой Отечественной войне. Законопроект был внесен весной 2008 года единосроссами во главе с председателем Госдумы Борисом Грызловым, предложившими дополнить УК новой статьей и сажать по ней на срок от трех до пяти лет за искажение приговора Нюрнберга, а также объявление преступными действий стран антигитлеровской коалиции и публичное восхваление нацистов, что вписывается в концепцию «борьбы с фальсификациями истории в ущерб национальным интересам». В заключении, подписанном вице-премьером Сергеем Собяниным, сказано, что сомнение вызвало наличие в законопроекте такого положения, как «объявление преступными действий стран — участников антигитлеровской коалиции», так как непонятно, на какой круг действий оно распространяется, а также о каком историческом периоде идет речь. Не оценили в правительстве и пункт об «искажении приговора Нюрнбергского трибунала». Министрам неясно, каким образом можно исказить уже вступивший в силу документ. Также Собянин и его коллеги заключили, что принятие закона «может повлечь нежелательные внешнеполитические последствия».

Анна Хлебина

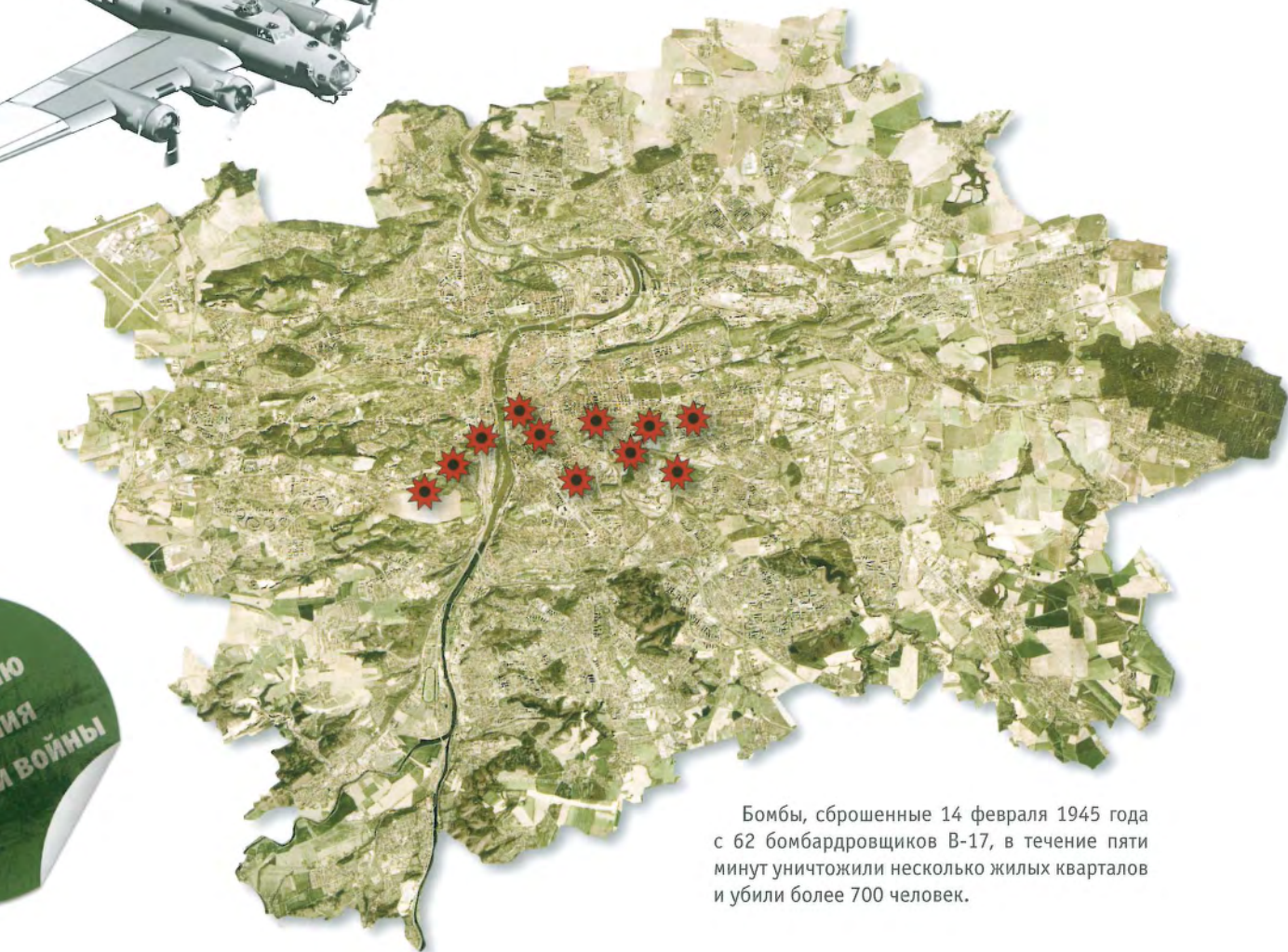
Фото: Татьяна Китаева, www.taday.ru

На презентации книги в московском Культурном центре «Покровские ворота»: редактор Андрей Зубов, один из авторов прот. Георгий Митрофанов, публицист Александр Архангельский

Смерть вместо освобождения

К 65-летию бомбардировки Праги войсками союзников

к 65-летию
окончания
II Мировой войны

Бомбы, сброшенные 14 февраля 1945 года с 62 бомбардировщиков B-17, в течение пяти минут уничтожили несколько жилых кварталов и убили более 700 человек.

Мюнхенский договор 1938 года стал первым шагом Европы к началу Второй мировой войны. Через год, в марте 1939-го, Чехословацкая Республика прекратила свое существование. Словакия стала самостоятельным государством, а жалкие остатки территории бывшей независимой республики захватила Германия и превратила их в так называемый Протекторат Чехия и Моравия, полностью подчиненный германской власти. Вся экономика, в первую очередь, промышленные заводы и химические фабрики, перешли под прямое управление Берлина, и машиностроительные предприятия превратились в оружейные.

Чем дальше длилась война, тем больше требовалось самолетов, танков, снарядов, тем больше надо было бензина и нефти. Для перевозки военного материала необходима была сеть портов морского и речного транспорта, железнодорожная сеть и большое количество аэропортов. Союзники, т. е. отдельные члены антигитлеровской коалиции, это хорошо понимали и приблизительно с 1943 года начали систематически бомбить немецкие промышленные регионы. Жители Протектората Чехия и Моравия о разбитых немецких городах узнавали только случайно от очевидцев или благодаря неофициальному радиовещанию из Лондона или Москвы. Им казалось, что все обстрелы и прочие ужасы войны — далеко за пределами страны и их пока не касаются.

Однако Прага и остальные чешские и моравские города постепенно стали обустривать бомбоубежища в глубоких подвалах жилых домов или строить бетонные убежища в парках и на площадях. На крышах домов появились сирены, которые должны были вовремя предупреждать людей о возможном нападении.

В конце 1944 года и над чешскими городами стали появляться бомбардировщики. Но они летали высоко, и их цель находилась все еще далеко за пределами страны. Люди не прятались, а смотрели им вслед и надеялись, что каждая бомба, которая упадет на Германию, ускорит победу союзников. Пражане не ожидали, что и на их город могут падать бомбы, что и здесь могут гореть дома и умирать люди.

В ноябре 1944 года Прага в первый раз стала прямой целью бомбардировки. Бомбы разбили электростанцию в районе Голешовиц. Они точно нашли свою цель, и окружающие жилые районы не пострадали.

13 и 14 февраля 1945 года американские и английские бомбардировщики полностью уничтожили Дрезден. По воспоминаниям очевидцев, днем столбы дыма от горящего города были видны даже в Праге, а ночью на севере полыхало огненное зарево на горизонте. Приблизительно в 12 часов дня 14 февраля в Праге раздалась тревожные гудки. Был рабочий день, обеденный перерыв, домохозяйки готовили обед, а школьники возвращались домой. Никто не беспокоился. Но на этот раз целью стала Прага.

В течение пяти минут (с 12.35 по 12.40) бомбардировщики пролетели над жилыми кварталами и сбросили бомбы на Смихов, Панкрац, Вышеград, Карлову площадь, Винограды и Вршовице. В течение пяти минут погибло больше 700 человек, 1184 было ранено. Бомбардировка не коснулась стратегических мест. Уцелели вокзалы, мосты и фабрики. Были уничтожены жилые дома, пострадала больница, рухнули башни средневекового Эмаузского монастыря.

Трагедия этого дня коснулась и жизни русской и украинской эмиграции. Бомбы попали в здание Украинского музея, где было уничтожено большинство документов, книг и картин, которые в Прагу посылали украинские патриоты из разных стран мира. Погибла жившая в здании Музея семья сторожа, дворник и случайная посетительница.

До этого дня в Праге существовал популярный русский ресторан «Огонек». Он был в доме № 11 на короткой и узкой улочке Malá Štěpánská, находящейся в центре города рядом с Карловой площадью. Улочку и ресторан знали все русские не только в Праге, но и за ее пределами. Кроме ресторана, на Малой Штепанской находился уютный книжный магазин, где можно было книги не только покупать, но и продавать. В доме № 6 был русский кооперативный продовольственный магазин. А в здании ресторана располагался организационный центр Общества Галлиполийцев, юго-восточный отдел Объединения Русских воинских союзов (РОВС), там же встречались члены организаций НТС (Национально трудового союза) и молодежной организации «Витязь». Владельцем ресторана был русский, русскими был и повар, и официанты. Воду для чая кипятили в огромном медном самоваре. Там можно было купить или на месте читать русские газеты и журналы. Звучали там русские песни, рассказывали русские анекдоты, обсуждали все пражские новости. В мансардных комнатках можно было переночевать или остановиться на пару дней.

В августе 1944 года в Прагу приехали супруги Орловы. Они покинули Ригу, к которой продвигалась линия фронта. Всеволод Орлов побывал в Праге весной того же года по приглашению театрального агентства Бориса Тихановича. Орлов (Елецкий) был до 1919 года членом Киевского интимного театра и Киевского профессионального союза тружеников театра. После 1922 года он побывал в Польше и Германии в составе труппы «Синяя птица». С 1927 года Орлов начал работать в рижском Театре русской драмы, но постепенно его репертуар менялся: он открыл в себе талант исполнения комических и сатирических ролей, организовал свою небольшую труппу и рассказывал русской эмигрантской публике анекдоты, короткие рассказы, играл сатирические сценки и пел куплеты.

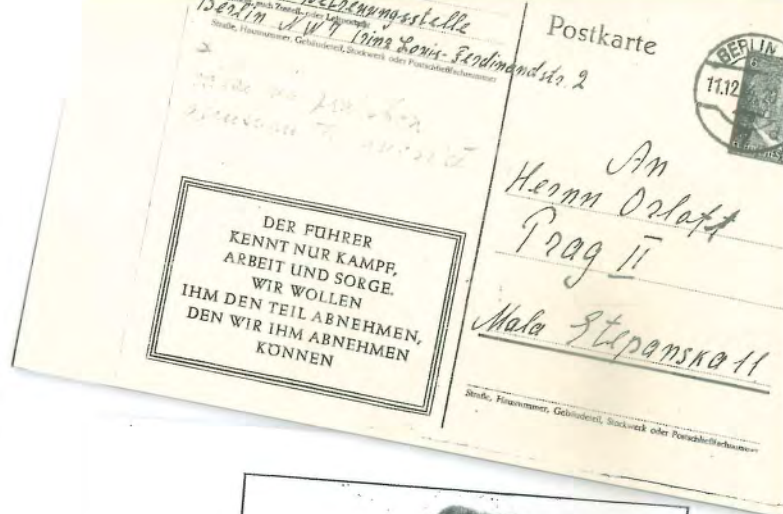
Выступления Орлова пользовались большим успехом. Где он только не побывал — в городах и городках Югославии, Польши, Румынии, всюду там, где жили русские эмигранты. Весенний сезон 1944 года в Праге ему понравился: красивый, тихий город далеко от опасной линии фронта. В Прагу он эвакуировался со своей супругой Евгенией Васильевной. Она была намного моложе и в Риге работала в театре художником сцены. Своей профессии она училась в Париже под руководством художника С. В. Чехонина. В сравнении с веселым, шумным и импульсивным супругом, «она была сосредоточенная, говорила мало, но все, что говорила, носило отпечаток ее мыслей, глубоких и незаурядных».

Бомба снесла крышу и верхние этажи ресторана «Огонек», где они тогда жили. Евгения Васильевна была убита на месте, а ее супруг тяжело ранен. Он умер в больнице в день похорон своей жены. Похоронили их на Ольшанском кладбище и поставили в головах небольшие плиты из белого мрамора. Со временем мрамор почернел, с трудом можно было прочесть, что там написано, и почти все забыли про супружескую пару Орловых. Не забыл про них Борис Тиханович, тот, который в далеком 1944 году пригласил их в Прагу. С 1945 года он регулярно раз в десять лет платил за их могилы. После его смерти деньги заплатило общество «Русская традиция» и позаботилось о реставрации надгробных плит.

Вот именно таким способом поддерживается и развивается «русская традиция».

Анастасия Копршилова

Фото: архив автора, архив «Русской традиции»

Из репертуара
Всеволода Орлова.

... «Прежде танцовали вальс — теперь чарльстонь. У танцоров вальса — лицо веселое, а спина скучная. У поклонников же «чарльстона» — лицо скучное, но зато спина... веселая!...»

... «Прежде барышни выходили замуж раньше, но зато теперь чаще!...»

... «Прежде говорили представительницах прекрасного пола: — волось дологъ — умь коротокъ! — А теперь говорить: волось коротокъ, а умь... тоже à la garçon!»

Розы для гвардейца

Фельдмаршал

Барклай де Толли и Чехия

В Шотландии род Беркли не занимал сколько-нибудь весомого положения среди власть имущих. Однако представители этой фамилии всегда гордились древностью своих корней. В разветвленных клановых линиях было множество известных людей, прославившихся на ниве художественной литературы, особенно поэзии. Эту фамилию также носили юристы, языковеды, богословы и, как приличествует настоящим горцам, прославленные воины.

Один из них, Дэвид Беркли, служил в чине полковника кавалерии в шведской армии и в ходе последнего этапа Тридцатилетней войны принимал участие в походе на Чехию и боях за Прагу в 1648 году. За верную службу шведской короне Дэвид Беркли получил небольшие имения в этой скандинавской стране. Оттуда его родственники, с начала XVI века колесившие по всей Европе, переселились в Прибалтику, в Ливонию, где обзавелись имениями, а во время службы в русской армии приобрели приязнь самого царя Петра I.

Более других прославился Михаил Богданович граф Барклай де Толли (1761—1818). Он вступил в русскую армию как кадет или воспитанник кадетской школы в 1769 году. Его военная карьера, учитывая талант, храбрость и способности командира, была довольно стремительной, поскольку Россия в то время отчаянно нуждалась в способных офицерах. Он принимал активное участие в войне с турками 1787—91 годов, и во время нее в 1788 году был произведен в капитаны. Командовал ротой при штурме Очакова и принимал участие в походе русской армии под командованием Суворова против турков, в котором Россия предотвратила попытку последних захватить Крым. Потом была финская кампания, война со шведами и военные действия в Польше. В это время М. Б. Бар-

клай де Толли был полковником и командовал пехотным полком. В 1799 году он был повышен до генерала.

В русско-шведской войне (1808—09) благодаря Барклаю де Толли, командовавшему авангардом, была захвачена Финляндия. Во время этой кампании генерал был тяжело ранен, вследствие чего ему ампутировали руку. Но это не помешало ему стать генерал-губернатором Финляндии и верховным главнокомандующим финской армии. С января 1810 года по 1812 год Барклай де Толли был назначен военным министром и провел значительную реформу российских вооруженных сил.

Во время войны с Наполеоном он стал командующим 1-й Западной армией. Собственно, Барклай де Толли вместе с генералом Багратионом командовали всеми российскими вооруженными силами. В оборонительной войне с Наполеоном Барклай стал автором стратегии «выжженной земли», которая позже себя оправдала, но вызвала недовольство при дворе, в результате чего генерал лишился поста главнокомандующего. После назначения на пост Кутузова граф сам попросил царя об отставке.

В конце концов, Барклай остался на службе. 7 сентября 1812 года он принял участие в битве у Бородино, где проявил личную отвагу:

с одной рукой сражался в кавалерийской атаке и кровавом сражении с французскими драгунами и кирасирами. Это помогло ему вернуть былую славу и благосклонность государя, но воспользоваться ею Барклай де Толли уже не мог, поскольку был тяжело болен.

Несмотря на состояние здоровья, весной 1813 года Барклай де Толли вернулся на службу и в качестве командующего 3-й Западной армией продолжил войну с Наполеоном. После смерти Кутузова он вернулся на пост главнокомандующего армией, которая 29—30 августа в Северной Чехии в сражении под Пршестановом и Хлумцем (Кульмом) нанесла поражение французам под командованием генерала Д. Р. Вандамма.

Барклай командовал этим судьбоносным сражением лишь на второй день: он сменил генерала Остермана-Толстого, которому пушечным ядром оторвало ногу. Де Толли появился на поле битвы, ставшей судьбоносной и для него лично (но об этом — позже), во главе основных союзнических сил.

Далее следовало кровавое сражение под Лейпцигом, где пригодился тактический талант Барклая де Толли: фактически эта битва привела к последовавшему поражению Наполеона в войне. За эту победу царь возвел полководца в графское достоинство с правом наследования, а в 1815 году — в княжеское достоинство. После взятия Парижа в 1814 году де Толли получил фельдмаршальский жезл. Последним сражением полководца стала битва у Ватерлоо в 1815 году.

В Москву он вернулся тяжело больным и обессиленным. После краткого отдыха князь решил поехать на лечение в Карловы Вары, чтобы заодно посетить одну могилу на кладбище небольшого чешского местечка. Путешествие из-за ухудшавшегося состояния здоровья пришлось несколько раз отложить, но Барклай на нем прямо настаивал.

Лечение в Карловых Варах было лишь поводом для поездки. Основной целью было центрально-чешское местечко Сланы. К сожалению, этот план остался нереализованным: Барклай де Толли умер по дороге в Чехию весной 1818 года, так и не увидев ни дорожную сердцу могилу в городе Сланы, ни карловарские целебные источники.

Почему же русский фельдмаршал так стремился в мало кому известный городок Сланы, который даже не лежит на пути в Карловы Вары?

Пройдя несколько десятков шагов по центральной аллее сланского кладбища к его центру, вы увидите под кронами старых лип простую, но элегантно надгробную стелу в стиле ампира с позолоченным венцом славы на вершине. Стела была вытесана из благородного розового мрамора, на котором теперь видны следы времени, ничуть не портящие его красоту. На плите под стелой вы прочтете позолоченную надпись на чешском языке:

Здесь похоронен Эдвард граф Беркелей де Толли, премьер-лейтенант русской императорской гвардии, рыцарь ордена св. Вла-

димира IV степени и ордена св. Анны III степени. Родился в Риге 28 августа (19 сентября) 1794 года. Смертельно ранен в битве у Хлума. Умер в Сланах 31 августа (12 сентября) 1818 года.

Инвентарный номер могилы — 870.

За день до сражения у Пршестанова и Хлумца гвардии младший лейтенант Эдуард Беркелей де Толли отпраздновал свой двенадцатый день рождения. В императорскую армию он вступил 15-летним кадетом. Эдуард был племянником фельдмаршала и военного министра Барклая де Толли, поэтому хорошая воинская карьера ему была обеспечена. Но, как известно, движение Колеса Судьбы невозможно предсказать рациональными средствами, в нем есть что-то от лотереи.

С огромными почестями 19 августа 1813 года в Сланы прибыли правители союзнических государств: австрийский император Франц I, российский император Александр I и король Пруссии Фридрих Вильгельм III. Памятник, установленный неподалеку, между деревнями Перуци и Вране, напоминает о проведенном совместном смотре войск. В смотре приняли участие и особо отличились императорские гвардейские полки, где состоял премьер-лейтенант Беркелей де Толли. Для молодого офицера это событие наверняка стало сильнейшим впечатлением и стимулом в будущем бою.

Затем войска стали продвигаться в сторону Дрездена, осажденного Наполеоновской армией. До Дрездена союзники не дошли и вынуждены были покинуть Саксонию, вытесненные французами под командованием генерала Доминика Рене Вандамма. Два войска встретились на равнине у Пршестанова и Хлумца 29 августа 1813 года.

Поскольку главная часть австро-русско-прусской армии под командованием Барклая де Толли была еще в пути, генералу Остерман-Толстому пришлось бросить в сражение все наличные силы. В результате путь 41 тысяче французов к Теплицам преградила авангардная армия из 15 тысяч русских, включая гвардейцев. Императорская гвардия, цвет русской армии и дворянства, подчинявшаяся непосредственно императору и состоявшая из Преображенского, Измайловского и Семеновского полков, была, вопреки правилам и традиции, отправлена в сражение непосредственно в его начале, да еще и не дожидаясь приказа императора. Шесть с половиной тысяч гвардейцев отважно бросились на противника.

Неподалеку от Страдова в первых рядах атакующего Преображенского полка пал от двух глубоких огнестрельных ран и младший лейтенант Эдуард Беркелей де Толли. Ранение было столь тяжелым, что даже исключительный в этой ситуации уход не дал ему шанса на выживание. Вместе с другими ранеными Эдуард был перевезен в Сланы, в лазарет, действовавший во францисканском монастыре. Три дня молодой человек сражался со смертью, то мучаясь от жара, то впадая в спасительное беспамятство. Однако в распоряжении фельдшеров не было никаких болеутоляющих средств, кроме водки, а о дезинфекционных и антисептических средствах и говорить нечего.

В конце концов, смерть смилостивилась над юношей. В отличие от нескольких тысяч раненых в битве соратников, которые вместе с молодым гвардейцем умерли в сланском лазарете и были похоронены в общих могилах за монастырской оградой, у графа Эдуарда есть хотя бы могила собственная. Памятник был установлен на средства самого главнокомандующего русской армией и дяди премьер-лейтенанта, лично присутствовавшего со своей свитой на похоронах племянника.

Прошло двести лет, но и в наши дни эта могила не осталась позабыта. Когда я посетил сланское кладбище перед Днем поминовения усопших, «Душичками», в 2003 году, на постаменте памятника были недавно догоревшие поминальные свечи и увядшие цветы. Точно так же памятник выглядел и спустя шесть лет, 27 ноября 2009 года, когда я к нескольким букетикам искусственных цветов добавил свои «розы для гвардейца» и зажег поминальную свечу. Я уверен, что о 19-летнем гвардейце все еще кто-то думает и вспоминает.

Йозеф Долейши

Фото: автор

Две аудиенции

Признание высшей властью России чехословацкого освободительного движения началось в 1914 году с визита чехословацких представителей к императору Николаю II

В начале августа 1914 года Германия и Австро-Венгрия объявили войну России. Петербургские чехи вышли на улицы и демонстрировали свою лояльность России и Сербии, требовали освободить славян от господства Габсбургов.

После них выступили члены московской чешской общины и заявили о своем желании принять российское подданство и создать чешскую воинскую часть в составе российской армии.

Девятого августа 1914 года в Киеве около трех тысяч чехов Юго-Западного края провели большую манифестацию против Австро-Венгрии и выступили с инициативами военного сопротивления Австро-Венгрии.

Через три дня Кабинет министров одобрил инициативу чешских организаций о создании воинской части из чешских добровольцев. Возникла необходимость рассмотреть чешские инициативы на Высочайшем уровне. Царем Николаем II были проведены две аудиенции с чешскими представителями.

Это было оглашение идеи пригласить на Град королем представителя славянской династии. Так составители петиции могли говорить потому, что Император и Король Австро-Венгрии Франц Иосиф I, царствовавший с 1848 года на протяжении 65 лет, в Праге не короновался, как делало традиционно его предшественники. Ему приписывали выражение: «Я скорее буду дворником у Гогенцолернов, чем королем у чехов». Пражский королевский трон и корона св. Вацлава формально считались свободными.

Царь Николай II на этой встрече одобрил предложение о формировании воинской части из чешских добровольцев. Так в самом начале войны был сделан первый шаг к официальному признанию чешского освободительного движения на высшем уровне власти в России. Это событие было отражено в российской печати и на основании этого зафиксировано австрийской полицией, а участников записали в Вене в реестр предателей. Позже эту встречу называли «первой аудиенцией чехов у царя». Но это была встреча только с московскими чехами. Вскоре провели более представительную встречу.

Первая аудиенция

20 августа 1914 года царь Николай II принял в Кремле трех представителей московской чешской колонии: С. Коничека, Л. Тучека и А. Грабета. Они вручили царю петицию, в которой излагалось стремление чехов вступить в вооруженную борьбу за освобождение страны от власти Габсбургов. В заключительной части ее было сказано: «Пусть засияет чешская корона св. Вацлава в лучах короны Романовых».

Вторая аудиенция

Через две недели состоялась вторая встреча. Она не освещалась в прессе, оставаясь известной только узкому кругу лиц. Австрийская полиция о ней не знала. Только после войны, в Чехословацкой Республике в 1921 году 20 апреля «Прага-

Авторы меморандума в Петрограде. Сидят: С. Коничек, Ф. Паул, О. Червены, И. Гампл, Ф. Дедина, стоят: Й. Гейк, Б. Чермак, Й. Оршаг, Й. Клецанда, Л. Тучек, В. Громадка

Й. Коничек, Ф. Паул, О. Червены, И. Гампл, Ф. Дедина, Й. Гейк, Б. Чермак, Й. Оршаг, Й. Клецанда, Л. Тучек, В. Громадка

Пресс» и 13 июля «Светозор» впервые написали о второй аудиенции у царя как о давнем событии без упоминания важных исторических подробностей.

В год десятилетия этого события редакция газеты «Народные листы» предложила одному из участников аудиенции Отакару Червены, уже жившему в то время на родине, описать подробно это событие. Так 13 сентября 1924 года появилась статья «Второе слушание чехословаков у царя Николая II». Это событие до настоящего времени остается мало известным и поэтому заслуживает внимания читателей.

Отакар Червены отмечал, что ко дню десятилетия аудиенции ее петроградский участник Йиржи Клецанда умер в 1918 году в Сибири, о Сватоплуке Коничке он ничего не знает (его в Чехословакии в то время не было — Авт.). Остались Йозеф Оршаг, нынешний комендант города Братиславы, и он — Отакар Червены. События излагал так.

25 августа 1914 года Червены получил телеграмму от секретаря Московского чешского комитета Ф. Дисмаса о том, что 28 августа бывший первый российский консул в Праге В. Г. Жуковский ожидает в Петрограде представителей чехов для выработки меморандума о будущем чехословацких земель и народа.

От Киева нужно прислать двух делегатов. Й. Йиндржишек срочно собрал Киевский чешский комитет. Приняли решение — послать в Петроград заводчика Франтишека Дедину и доктора Вацлава Вондрака, который был в это время на Воыни. Потом, когда собрались девять членов комитета, то решили третьим послать Отакара Червены. Делегаты были предупреждены, что расходы, связанные с поездкой, им придется взять на свой счет.

В половине восьмого вечера они с Ф. Дединой выехали в Петроград. Вагоны были переполнены, только ночью перешли в международный вагон, дали две телеграммы петроградскому председателю чешского комитета Б. Чермаку. В пути обсуждали меморандум, написанный Дединой. В Петрограде узнали, что Вондрак приехать не может, вместо него Й. Йиндржишек делегировал инженера Ф. Паула, который приехал в Петроград на сутки позже.

В Петрограде на первой встрече представителей четырех городов России присутствовали одиннадцать делегатов: Б. Чермак и Й. Клецанда от Петрограда; Л. Тучек и С. Коничек от Москвы; О. Червены, Ф. Дедина и Ф. Паул от Киева; Й. Гейк, В. Громадка, Й. Гампл и Й. Оршаг от Варшавы.

Чермак предупредил их, что нужно получить разрешение министерства внутренних дел на собрания, иначе будет преследовать полиция. По предложению Чермака председателем избрали Отакара Червены, заместителем Ф. Паула, а секретарем Ф. Дедину.

Собравшееся общество они назвали «Рада чехов в России». Устав составили

Участники аудиенции: Й. Оршаг, Й. Клецанда, О. Червены и С. Коничек

*I. M. Országh
za Varšavu.*

*Jiří Klecanda
za Petrohrad*

*Otaakar Červený
za Kyjev a s. z. kraj.*

*Sv. Koniček
za Moskvu.*

краткий — пять абзацев. На следующий день его подали заместителю министра внутренних дел генералу Джунковскому, который на нем сделал надпись синим карандашом, а в свой большой блокнот записал: «Это будет подтверждено» — и отпустил их.

Подготовительный комитет под руководством О. Червены и при опеке дипломата В. Г. Жуковского работал над проектом меморандума российских чехов царю, предложенным молодым библиографом Российской Академии наук Й. Клецандой. Вариант, написанный фабрикантом Ф. Дединой, был после обсуждения отклонен. Готовый для подачи царю текст меморандума надо было согласовать с министром Иностранных дел С. Д. Сазоновым и дать экземпляр Министерству Императорского Двора.

Поэтому 1 сентября делегаты посетили руководителя канцелярии Министерства иностранных дел барона Шиллинга с просьбой, чтобы министр С. Д. Сазонов дал аудиенцию. В тот же день в 14 часов О. Червеному сообщили, что звонил министр С. Д. Сазонов и сказал, что завтра их примет. В 16.00 курьер принес в гостиницу «Европа» письмо с надписью «Спешно» такого содержания: «Чинovníк по особым поручениям МИД свидетельствует свое почтение В. О. Червеному и имеет честь уведомить, что министр примет его с депутацией завтра, 2 (15) сентября в 15 часов 15 минут. Форма одежды — сюртук».

Отакар Червены писал:

На следующий день, 2 сентября, были мы в 15.00 в МИДе и точно в 15.15 вступили в большой приемный салон министра С. Д. Сазонова. Он весьма любезно нас принял. Изложили ему нашу просьбу, о том, чтобы попросил у царя аудиенцию для шестнадцати членов депутации, которые изложат ему, что мы добиваемся самостоятельности нашего государства, соединенных земель Чехии, Моравии, Силезии и Словакии. С. Д. Сазонов поговорил

с каждым из одиннадцати членов делегации. Я доложил о высказывании Франца Иосифа, что он скорее будет дворником Гогенцолернов, чем чешским королем.

Аудиенция у Сазонова длилась почти три четверти часа, потом секретарь открыл двери и сказал: «Представитель Соединенных Штатов». А С. Д. Сазонов ответил: «Прошу немного подождать». Относительно аудиенции сказал, что нам ее гарантировать не может. Это зависит от царя, будет ли Его Величество желать уделить ее нам, но что еще сегодня он будет у Государя и что результат мы узнаем завтра у руководителя канцелярии барона Шиллинга.

Ожидали, что аудиенцию нам разрешат не сразу, что мы сейчас разведемся, а к установленной дате те, кого пригласят, придут в Петроград. На другой день мы к 10.00 прибыли к барону Шиллингу. Он нам сказал: «Государь ныне аудиенций не дает, но для чехов сделает исключение. Аудиенцию разрешит, но не так, как вы хотели, для 16 делегатов, а по одному от четырех главных городов. Назовите мне имена четырех человек, которые будут вашими представителями». Я ответил барону Шиллингу, что мы такого мандата не имеем, а должны вернуться по своим домам, где члены депутации будут избраны. Барон Шиллинг сказал, что время не терпит, нужно сделать это сейчас и представить, кого хотим. Обращается ко мне и говорит: «Вы как председатель Рады чехов в России, разумеется, само собой, будете здесь представлять и Киев».

От Петрограда был записан Й. Клецанда, от Москвы — С. Коничек. Л. Тучек заметил, что последний был уже принят царем в Москве, а здесь должен быть кто-то другой, но С. Коничек остался. Четвертым от Варшавы был записан словак Й. М. Оршаг. Барон Шиллинг попросил, чтобы мы до 20.00 принесли ему наш меморандум к царю, который пожелало видеть Министерство Императорского двора. В тот же

С.Д. Сазонов в своем кабинете. Фото. 1912

Консул В. Г. Жуковский

день министр С. Д. Сазонов прислал всем делегатам в гостиницу свои визитные карточки. Надо было до 20.00 отослать барону Шиллингу текст речи, которая должна была быть произнесена перед царем, но соавторы при обсуждении не приходили к единогласию.

Червены писал: «Я смотрел на карманные часы, лежавшие предо мной на столе, четырежды напоминал, что время идет, и, наконец, сказал: „Господа, время истекает, осталось полчаса, можем потерять аудиенцию!“. Л. Тучек настоятельно потребовал: „Но те слова о короне св. Вацлава мы, москвичи, хотим сохранить“. Они в речи остались».

На следующий день после обеда в гостиницу «Европа», где они жили, курьер принес пакет от «Церемониальной части Императорского Двора», адресованный Председателю Совета Чехов Вячеславу Откару Червены. В него была вложена карточка с напечатанным текстом:

Его Императорскому Величеству благоугодно было все милостивейше разрешить Вам, милостивейший государь, представиться в четверг 4-го сентября 1914 года в 12 часов дня в Царском Сельском Дворце, о чем Церемониальная Часть Императорского Двора имеет честь уведомить. Выезд в Царское Село поездом Царскосельской железной дороги, отходящим из Петрограда в 11 часов утра. Придворные экипажи высылаются к прибытию поезда.

Четвертого сентября в Царском Селе в первой большой прихожей Александровского дворца после того, как участники аудиенции сняли пальто, их принял полковник Собственного Его Величества Конвоя Ресин. Он поговорил с ними кратко и отошел. Возле открытой двери из прихожей в первый зал стоял привратник — молодой, стройный юноша в белых чулках, коротких брюках, пиджаке малинового цвета, в таком же берете с кружевным ободком и тремя страусовыми перьями (белым, черным и оранжевым — цвета царского дома).

Через какое-то время полковник сказал им: «Идите за мной по одному». Плотный

ковер глушил шаги. Они прошли первый квадратный зал, за ним второй, длинный, в котором возле стены располагалась наклонная площадка для езды на велосипеде царских детей. Здесь стоял рядовой солдат в шинели, полностью вооруженный и неподвижный, как неживой. Повернув налево, они прошли в помещение, соединенное с ним дверью, ведущей в квадратный третий зал, в середине которого стоял неподвижный слуга. В конце соединяющего помещения сопровождающий перед закрытой дверью остановил их. У двери на мягком табурете сидел какой-то закавказец в пестром тюрбане, а на противоположной стороне — другой. Провожатый, открывая дверь, промолвил: «Входите, господа. В этом помещении государь принимает», — и опять закрыл дверь. В этом длинном зале стоял большой бильярдный стол, на котором были разложены две карты Австро-Венгрии. Два огромных окна, шире двух метров, освещали его, слева были открытые двери, ведущие в следующий зал, а на противоположной от двери стене висел большой портрет покойного царя Александра III. Проводник указал направо на маленькие, узкие, покрытые обивкой двери и сказал, что Государь войдет через эти двери, следует стать против них или у бильярда напротив окон.

Червены записал: «Мы стали, прислонившись к бильярду. Оршаг и Коничек, оба высокого роста стали по краям, а Клецанда со мной, оба низкие, посредине. Через малые двери пошел полковник Ресин и спросил: „Кто из вас будет читать меморандум?“. „Я“, — ответил я. „Тогда Вы должны стать крайним“. Мы перестроились в таком порядке: Червены, Коничек, Клецанда, Оршаг. Полковник вышел, а через две минуты вошел царь Николай II, а за ним полковник Ресин, который остановился в двух шагах от двери. Царь стал между двумя окнами на шаг от стены. Одет был просто: высокие сапоги, широкие брюки, в тужурке, без орденов. Мы глубоко поклонились. Й. Клецанда держал в руках меморандум в папке из белой кожи. Я читал обращение. Мне удалось быть спокойным, к удивлению моих друзей. Смотрел в текст, поэтому не мог наблюдать царя».

В обращении говорилось:

Ваше Императорское Величество, в исторические дни переживаемой нами борьбы между Германством и Славянством, делегаты Чешских обществ Петрограда, Москвы, Киева и Варшавы как представители российских чехов и словаков обращаются к Вашему Императорскому Величеству как Августейшему защитнику всего Славянства, с настоящей памятной запиской. Теперь, когда лучшие люди чешского народа в Австрии или арестованы, или каким другим способом принуждены молчать, когда десятиллионный чехословацкий народ, всегда питавший горячую любовь ко всему славянству и великой России в особенности, лишен возможности высказать свои заветные мечты, те-

перь мы осмеливаемся поднести Вашему Императорскому Величеству эту записку с покорнейшей просьбой обратить Ваше Августейшее внимание на те страдания, которые чехословацкий народ переживает уже несколько столетий во всех видах культурной и материальной жизни. Подготовительная работа последнего времени, проведенная во всех политических партиях, дает нам моральное право утверждать, что осуществление чаяний, приведенных в нашей записке, глубоко обрадовало бы весь чехословацкий народ, что освобождение от жестокого немецкого и венгерского ига подняло бы дух десяти миллионов человек, способных и желающих работать на пользу не только своего народа, но и Славянства вообще, и желающих идти с ним и с великой Россией всегда рука об руку.

Молим Бога, Государь, чтобы Он помог Вашим доблестным войскам довести до конца, начатые с Вашей воли дела освобождения и единения Славян.

У нас, чехов, одна мечта, которую наши представители имели уже счастье высказать Вашему Величеству в Москве. Эти наши желания мы повторяем вновь:

«Да воссияет свободная и независимая корона Святого Вацлава в лучах короны Романовых. Да хранит Вас, Государь, и вашу Августейшую семью Господь Бог. Многие лета!»

Совет чехов в России: от Петрограда — Б. О. Чермак, Й. И. Клецанда; от Москвы — Л. В. Тучек, Св. Коничек; от Варшавы — Й. М. Оршаг, В. Громадко, Й. Гампл; от Киева — председатель В. О. Червены, Ф. Ф. Паул, Ф. Ф. Дедина.

Петроград, 4 сентября 1914 года

Царь прислушивался, особенно к месту о «желающих идти с ним и с великой Россией всегда рука об руку», со склоненной головой, посмотрел на всех четырех внимательно. Отошел на шесть шагов. Когда О. Червены окончил читать и низко поклонился ему, то царь подошел, подал руку и спросил «Вы уже давно здесь?» Тот ответил царю, подавая ему прочитанную записку: «Да, Ваше Величество, мы здесь несколько дней, совещались и писали записку. Разрешите представить Вам, Ваше Величество, членов делегации: С. Коничек, который представлялся Вам в Москве». «Помню, очень хорошо помню», — ответил царь, подавая ему руку. «Депутат от Петрограда Й. Клецанда», — сказал О. Червены и показал на него. Тот подал царю папку с меморандумом. Царь принял папку, подал Клецанде правую руку и спросил: «Что это Вы мне подаете?». Й. Клецанда не ответил, была пауза. Ответил за него О. Червены: «Это та записка, Ваше Величество, на семи или восьми страницах, о нашей политической, культурной и хозяйственной жизни в течение нескольких столетий».

«Все понятно, — начал царь. — Все это хорошо. Вы — русские чехи, а что скажут

ваши земляки за границей, в Чехии?». Тут слово взял Й. Клецанда: «Разрешите, Ваше Величество, я дам объяснение. Приехал я из Праги, где был на совещании Чешской Народной Рады. Там обсуждался этот вопрос и сошлись на том, чтобы была выслана к Вашему Величеству депутация, чтобы искать защиту у Вас. Профессор Крамарж должен был выехать в Россию, но его в дороге арестовали, и что с ним будет, не знаю». Царь с большим вниманием слушал Клецанду и спросил: «А как могли на собрании так откровенно говорить?» — «Ваше Величество, собрание было секретное». «Теперь понимаю», — и царь посмотрел на Оршага. О. Червены его представил: «Депутат от Варшавы Оршага, словак из Венгрии», — ударяя на последних двух словах. Царь подал Оршагу руку, спросил его: «Как Вам живется в Венгрии?» — «Ваше Величество, очень плохо, запрещено говорить по-словацки. Я сам учился за границей, в Софии и Бухаресте. Когда приезжаю домой, сердце обливается кровью. Сейчас в Словакии спокойно, но еще одно поколение — и нас, словаков, не останется», — ответил Й. Оршага.

Царь расспрашивал его дальше: «А вы, словаки, согласны соединиться с чехами?» «Да, Ваше Величество, согласны соединиться». «Так укажите мне на карте, где Ваша граница с чехами», — и царь подошел к бильярдному столу, где были разложены карты Австро-Венгрии. Оршага и Клецанда, стоя справа, показали ему словацкие «острова» и районы, этнографические границы на государственной границе с Германией.

Царя интересовали всякие подробности, он обвел рукой вокруг указанного Й. Оршагом места Словакии, указал города, где предположительно могла быть граница народности, и спросил, где будет граница с Австрией. Показывали острова и островки вблизи от Дуная. Царь склонился над картой, слушал внимательно, что ему говорили. Гости, казалось, забыли, что они у царя, и вдруг он спросил: «А чтобы вы еще хотели?» И О. Червены произнес: «Мы хотели бы Вену». Царь поднял голову от карты и посмотрел на него. «Да, Ваше Величество, в Вене живет свыше полумиллиона чехов, а если станет она нашей, то через год будет миллион», — продолжал О. Червены. «Как это понимать?» — удивился царь. Объяснили, что многие чехи записывались немцами. Царь опять обратился к словаку и уточнял: «Если бы было так, как вы хотите, то ваше

Александровский дворец. Парадный кабинет царя Николая II в Царском Селе.

государство граничило бы с Италией?». Й. Клецанда ответил: «Да, Ваше Величество, и имело бы с Россией границу длиной 25—30 верст». «Это бы было очень хорошо», — ответил царь. Наступила тишина. Царь отступил на свое прежнее место и произнес такие слова: «Благодарю вас, господа, за ваши сообщения, я надеюсь, что нам Бог поможет, и думаю, что желания ваши будут осуществлены».

Как только царь произнес эти слова, О. Червены подошел на два шага ближе и сказал: «Ваше Императорское Величество, примите нашу глубокую благодарность за Ваши милостивые слова, которые будут переданы с точностью нашим соотечественникам». Царь вторично пожал ему руку. Царь прощался с другими членами депутации, подавая руку. Полковник Ресин стоял все 40 минут аудиенции между царем и выходом. Теперь он открыл покрытые обивкой двери и скрылся за царем.

Когда депутация уходила, открылись эти потайные двери, и из-за них появилась голова царя. Он смотрел на уходящих так мило и радостно, но, заметив, что его видят, скрылся. Тут же вернулся полковник Ресин, помахивая правой рукой, сказал: «Поздравляю вас, господа! Теперь садитесь в ваши экипажи, которые отвезут вас в соседний дворец, где для вас приготовлен завтрак». Попросил у Й. Оршага подробную этнографическую карту Словакии, которую тот привез ему на следующий день. «Я здесь все подготавливаю, чтобы не было задержки. Спросите меня», — сказал полковник.

В соседнем дворце в небольшом уютном зале был накрыт стол на четыре персоны. Меню: печеные яблоки, бифштекс, пирож-

ное. Каждому пища на отдельной тарелке. Вино белое, красное и кофе. О. Червены произнес тотчас же тост.

Через четверть часа дворцовый экипаж отвез депутацию на вокзал. Только они сели в вагон, как поезд тронулся и доставил их в Петроград.

Едучи в поезде, вряд ли они задумывались над тем, что едут по первой в России железной дороге Петербург — Царское село, которую проектировал и построил в 1837 году их земляк Франтишек Антонин Герстнер — один из пионеров строительства железных дорог в Европе.

Это перевод и пересказ описания, сделанного Отакаром Червены 13 сентября 1924 года. Оно более обширное, чем публикация в «Прага-Пресс» и «Светозоре». Сохранен стиль изложения автора.

Спустя годы журналист Федор Коваржик писал в «Вестнике Центрального товарищества чехов и словаков из России» (№ 1, 1931 г.), что после аудиенции царь говорил обер-прокурору Святейшего Синода В. К. Саблеру: «Здесь было последнее время много депутатий, ни одна не произвела на меня такого впечатления, как чешская. Дай Бог помощь чехам и словакам». После этих слов царь подал В. К. Саблеру чешский меморандум, попросил его читать вслух, так как хотел еще раз прослушать. В его глазах появились слезы.

Александр и Дина Муратовы
Фото: архив авторов

В следующих номерах мы расскажем о жизненном пути одного из участников аудиенции Отакара Червены

«Пражская осень» в Петрозаводске: композитор Йиржи Лабурда

В конце ноября в зале Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова (Россия, республика Карелия) состоялся концерт камерной музыки чешского композитора Йиржи Лабурды.

Он наш современник и живет в Праге, ведет активную творческую деятельность. Композитор (р. 1931) получил начальное музыкальное образование в Собеславе, затем учился на педагогическом факультете в Карловом университете и в педагогическом колледже. В 1970 году он получил степень доктора философии. Его докторская диссертация была посвящена симфониям Дмитрия Шостаковича. Лабурда написал внушительное количество произведений в самых разных жанрах: это и музыка для детей, и хоровые произведения, и многочисленные камерно-инструментальные опусы, и произведения для большого оркестра. Несмотря на свой возраст, подходящий к отметке восемьдесят, он сочиняет много музыки, общается и работает с музыкантами-исполнителями, а также состоит в Чешском союзе композиторов. С его музыкой знакомы во многих странах Европы: он участник и победитель многочисленных международных конкурсов.

Имя Йиржи Лабурды было известно в Петрозаводской консерватории более 20 лет назад. Он тесно сотрудничал с профессором Л. П. Будановым (1946—2000), известным трубачом.

В письме к исполнителям и слушателям состоявшегося в этом году концерта Йиржи Лабурда пишет: «В последние годы я с большой радостью узнал, что мое имя у вас, в Петрозаводске, не забыто и что моя музыка опять звучит. Доказательство этого — ваш сегодняшний концерт. Я был бы очень рад присутствовать на нем, познакомиться лично с исполнителями и их профессорами, но, к сожалению, я должен отказаться от этого: ведь я уже очень старый, и, не имея опыта путешествий, начинать почти в восьмидесятилетнем возрасте — это очень поздно... Но во время концерта буду вместе с вами, исполнителями и слушателями. Ваш Йиржи Лабурда».

Поэтому и название концерта «Гость из Праги — композитор Йиржи Лабурда» появилось не случайно. Можно сказать, что в стенах нашей консерватории он всегда присутствовал заочно. Так, многие инструменталисты обращались к его произведениям на уроках по специальности, музыковеды же познакомились с его учебником «Диатоническая гармония».

Мое внимание к творчеству этого композитора привлекла педагог по фортепиано — Татьяна Николаевна Буданова (доцент Петрозаводской государственной консерватории). Она мне и рассказала о том творческом союзе, который возник давно еще между

советскими исполнителями из Петрозаводска и чехословацким композитором. И для себя я решила, что в ближайшие каникулы поеду в Прагу, чтобы ближе познакомиться с человеком, чье творчество оставило след в памяти наших артистов.

Прошлым летом мне удалось лично познакомиться с этим музыкантом. Мой приезд в Прагу был неожиданностью для композитора, но он доброжелательно отнесся к этому, тепло принял меня. Спустя немного времени мы уже беседовали о чешской музыке, о его творчестве, исполнительской интерпретации и современных методах обучения. Мне хотелось знать о его музыке все и поделиться этим со всеми! Именно тогда и возникла идея проведения полноценного концерта из произведений Йиржи Лабурды в Петрозаводске.

Из Чехии в Россию я привезла ноты и его учебник «Диатоническая гармония» и сразу принялась изучать эти материалы. Конечно, понадобилось время, чтобы проанализировать музыку, а учебник перевести на русский язык. Этот этап прошел, и настал час воплощения нот в звуки. Вместе со мной организацией концерта занималась Т. Н. Буданова, ставшая сама участником исполнения. К участию были привлечены студенты и преподаватели Петрозаводской консерватории.

Концерт охватил все группы академических музыкальных инструментов: струнные, деревянные и медные духовые, а также клавишные инструменты. Большинство произведений исполнялось в России впервые. Первым прозвучало Малое трио для трех кларнетов (сочинение 1987 г.) в исполнении Кирилла Мокина, Оксаны Васильевой и Дины Новиковой. Это произведение написано в духе необарочных традиций. Следующей, очень мелодичной и изящной по ритмам, прозвучала Сонатина для скрипки и фортепиано G-dur (2000) в исполнении Алены Чумаковой (скрипка) и Татьяны Будановой (фортепиано). Сонату № 2 для двух фортепиано (1988) представили Александр Соловьев и Екатерина Толкачёва. Этот фортепианный ансамбль стилистически близок почерку Шостаковича, и это не удивляет, ведь Лабурда является заочным учеником композитора. Сонату для виолончели и фортепиано (2000) сыграли Дарина Тарасова (виолончель) и Татьяна Буданова. Это лирико-драматическое произведение, адресующее слушателя к односторонней романтической поэме. В завершении героически и фанфарно, напоминая игру на охотничьих рогах, прозвучала Соната для трубы и фортепиано (2002) в исполнении Руслана Девликамова (труба) и Татьяны Будановой.

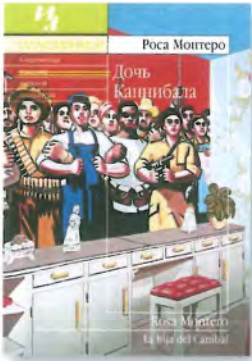
Мы рады, что премьера всероссийского масштаба прошла в Петрозаводске. В благодарность исполнители отправили письмо автору, а также запись и фотографии с концерта.

Такой спектр образов позволил присутствующим разносторонне познакомиться с музыкой Йиржи Лабурды, ведь для большинства слушателей имя этого чешского композитора было новым. А для музыкантов всегда интересно исполнять новое. Это дает возможность большего простора для интерпретации, благодаря чему опыт художественного прошлого приобретает объемность и глубину исторической перспективы.

Сегодня регулярными издателями нот произведений Йиржи Лабурды являются фирмы: Alliance Publications (США) и Wolfgang G. Haas — Musikverlag Köln e.K. (Германия). А вот музыку преимущественно можно слышать только «живьем».

Надежда Басалаева, Петрозаводск
Фото: автор

Роса Монтеро
«Дочь Каннибала»
 Инностранка, 2006

Сорокалетняя женщина занимается поиском своего внезапно пропавшего мужа. Действительно ли он был похищен бандой вымогателей или за его исчезновением кроется нечто более серьезное? Казалось бы, перед нами обычная детективная история с банальным сюжетом. Однако назвать этот роман «всего лишь» детективом не получается. Слишком уж глубок и подвижен в своем развитии образ главной героини, рассказчицы Лусии Ромеро. На последних страницах произведения перед нами вовсе не та растерянная, неуверенная в себе, неудачливая детская писательница. Теперь это женщина, пересмотревшая, понявшая и принявшая не только саму себя, но и своих родителей, особенно отца-актера. Помогают ей в этом прекрасный молодой юноша и много повидавший на своем беспокойном веку старик. Наверное, именно этот дуэт молодости и старости так необходим зрелости... Юный Адриан эмоционален, непосредствен, горяч — вот вам любовная интрига! Восемьдесятителетний Феликс сдержан, серьезен и мудр: его рассказы-воспоминания о жестоком времени революции и репрессий, об эпохе тореадорства — это своего рода роман в романе. Образ пропавшего мужа Рамона кажется бледным и плоским. Однако именно его отсутствие было толчком к столь разительным переменам в жизни Лусии! В книге есть любопытные исторические факты, динамично развивающийся сюжет, даже обозначены конфликт «отцов и детей», тема творчества и самореализации. За легкой манерой повествования и тонкой самоиронией Росы Монтеро скрывается полноценная, подлинная жизнь ее героини... в которой она, возможно, в чем-то видит и саму себя.

Виктор Пелевин
«Т»
 Эксмо, 2009

И снова речь о писателе и писательстве. Только это — Пелевин, а значит, роман не может быть ясным и однозначно-прозрачным. Отношение к его творению меняется на протяжении чтения несколько раз. Начинается вполне мило и понятно — едут двое персонажей в купе поезда, судя по всему, в веке XIX, интеллигентно вполне общаются. Перестрелка, побег — вот начинается действие. Теперь читателю любопытно и очень интересно — что же будет дальше. Появившиеся загадки не смущают — еще столько страниц впереди! Только потом приходит недоумение, сомнения, догадки, которые обречены на неудачу... Тут все: фантастические обстоятельства, исторические (серьезные!) личности в роли заблудившихся по жизни персонажей, реалии современной России, проблема авторства и творчества, философские размышления на тему «религия» и «смысл существования». Разумеется, не без некоторого кощунства и нецензурной лексики. Впрочем, на то Пелевину и талант, чтобы не ограничиваться стандартами, правилами

и прочими *comme il faut*. Поднять в романе среднего объема такие темы, попытаться их не только наметить и обозначить, но и развить, заставить «жить» в полете порой просто безумной фантазией — это надо суметь. Голова идет кругом от походов главного героя, графа Т.; от догадок о природе и роли «демона» Ариэля, о значении появившегося на последних страницах Льва Толстого... Роман легко создавал бы не самое приятное ощущение полного хаоса и бессмыслицы, если бы автору не удалось искусно снабдить текст невидимыми параллелями. Не совсем ясно как, но с помощью этих «сетей» писатель умудряется сохранить пусть хрупкую, но вполне ощутимую целостность произведения.

Людвик Ашкенази
«Собачья жизнь»
 Теревинф, 2009

Чешского писателя, больше известного как детского, печатают на русском языке всего лишь второй раз. Издательство дает хорошее определение аудитории: этот сборник рассказов предназначен тем, кто уже «достаточно взрослый, чтобы читать про любовь и войну, но еще недостаточно старый, чтобы сказать: „Я все это и без того знаю“». Впрочем, секретов автор нам не открывает. Массовое истребление евреев во время Второй мировой войны, советские солдаты-победители в Чехии, верность и предательство в решающих, опасных ситуациях... страдающие люди и умные, все понимающие животные... Мы «все это и без того знаем». Только вот вспоминаем об этом редко. И почти никогда об этом не задумываемся. Короткие, на несколько страниц рассказы полны горечи, страдания, искренности... и любви к ближнему. Дело даже не в том, что народу положено знать свою историю для того, чтобы строить правильное будущее. Ведь речь не столько о событиях сороковых годов прошлого века. По-моему, писатель говорит, в первую очередь, о человечности вне времени. Название сборника кажется символичным: первый и самый длинный рассказ под названием «Брут» — о военных годах жизни овчарки Брут в оккупационной Чехии. Собачья жизнь кажется более «человечной», чем людская: и еды вдоволь, и работа хоть и ответственная, но несложная — присматривать за пленниками, униженными и загнанными. Теперь люди — как животные, бесправные и бессловесные. Но, оказывается, и у собак есть душа и настоящие, человеческие чувства собственного достоинства, привязанности и долга... Грустная книга. И правдивая.

Постоянная ведущая рубрики — Ольга Сидорова
 Редакция благодарит за предоставленные книги ТКЦ «Арбат»
 и издательство «Теревинф»

ВЛТАВА

Литературное объединение «Русской традиции»

В нашей сегодняшней подборке — просто стихи. О любви, о вечности, о самом дорогом, близком и сокровенном. Авторы, возможно, вам знакомы... Ну, хоть чуть-чуть...

Наталья Волкова

Живет в Праге. Литературовед, критик, автор статей по литературе и искусству, двух поэтических сборников, доктор филологических наук.

* * *

Девчонка на трамвайной остановке
В помятой юбке, в курточке — одета
Не по погоде вовсе и неловко,
Но вся лучится от тепла и света,

То говорит немного приглушенно,
Потом внезапно рассмеется звонко,
Волос колечки из-под капюшона —
Совсем обыкновенная девчонка.

С ней рыжий паренек. Он, чуть краснея,
То за руки подержит, то за плечи,
В глаза посмотрит, поцелует в шею
И в губы, и в веселые колечки.

А рядом дама — элегантна и мила,
Есть у нее ребенок, муж, работа,
Любовник, увлеченья и дела,
Но за минуту главного чего-то
Она б, не думая, все это отдала.

Александр Козлов

Живет в Праге. Художник. Скульптор. Поэт.

Зимнее утро

Мой мир в черно-белую шашечку
Баюкает зимнее утро.
Под солнцем оранжевой лампочки
Лежу, дозревающий Сашечка,
Чужим экзотическим фруктом.

Письмо Марине

Я часто мысленно с тобой
В моих прогулках одиноких:
Весь на виду незрячих окон
Плывущих древнею Невой.

Так путь движеньем обречен,
И что нам, грешным, остается?
Кружась в потоке белых пчел,
Грустить по маленькому Солнцу.

Великий мастер не солгал:
Прекрасен лик архитектуры —
В мозгу засевшая игла,
Как вечный акт акупунктуры.

Огнями желтыми следя,
Лакают сумерки фонтаны
Тиха невольница вода
И дом за речкою без Анны

Беда — она всегда некстати.
Ты тихо плачешь у окошка
Лишь экзотическая кошка —
Как светлый знак на темном платье.

Полина Ольденбург

Живет в Праге и в Москве. Автор нескольких поэтических и прозаических книг и песен, исполняемых под гитару. Лауреат Международного поэтического фестиваля «Ветер странствий» — Рим, 2009.

Во времена великого равнодушия

Во времена Великого Равнодушия
деревья рождались голыми,
стали чёрными голуби,
соловьи умолкали от голода,
реки не впадали в океаны,
а разливались по планете мутными лужами.
Во времена Великого Равнодушия
убивали всех, кто хоть что-то чувствовал —
скорбь ли, радость ли, боль, искусство ли...
Но некоторые все же выжили,
спасались бегством, чтоб не прослыть рыжими,
прятались в лесах, в ветхих хижинах,
на вершинах гор, веками недвижимых,
смотрели на закат, ощущали родство...
Их так и осталось с тех пор — меньшинство.

Людмила Свирская

Живет в Праге. Автор четырех поэтических сборников.

Январская ночь

Стынет солнце невольно, будто стонет из тьмы:
Позабывтый футбольный мяч в воротах зимы —
Затухающей, горькой, снег скребущей по дну...
Я болею — и только. Как всегда — за весну.

В сердце истово бьется март, на волю спеша...
Что же мне остается, дорогая душа?
Зябко кутаясь в шали, прячу плечи от бед,
На небесной скрижали твой читаю ответ:

Ни богатства, ни власти в жизни я не найду.
Ни покоя, ни счастья — ни в раю, ни в аду...
Лишь сомненья, тревоги, сожаленье, вину...
И — бессонные строки — в пасть слепому окну...

Галина Свинцова

Живет в Праге. Давно и плодотворно сотрудничает с журналом «Русское слово». Автор двух поэтических сборников.

На отъезд дочери

Умчалось молодое божество,
оставив нас с тобой в пустыне дома.
И нашей нежности придется долго
ценком потерянным обыскивать его —

холодным носом тыкаться в углы,
искать уныло в зеркале настенном
подсмотренные им девичьи сцены,
где жесты безыскусны и милы!

Скулить над белым скомканным цветком
забытой блузки, заселившей кресло,
над оброненным в спешке ободком
серебряным...
Под пыльным потолком
в просторной комнате внезапно стало тесно

от этой тишины и пустоты.
Хотя детали сообщают нечто:
вот тут она небрежна и беспечна,
а тут — с пером и с вечностью на ты...

Здесь что-то не дошито впопыхах,
и в кружевах запуталась иголка —
нам видится агатовая челка
и целый мир в распахнутых глазах.

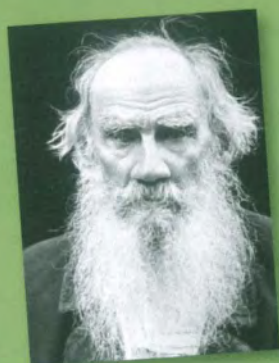
Не только мы — гитара у стены
взгрустнула, вспоминая лепет пальцев...
А за окном растянута на пальцах
пергаментная тайнопись луны.

А за окном над маревом листвы
такая необъятность небосвода!
И обещает летная погода
счастливый путь от Праги до Москвы.

Через пространство молодой рукой
нам машет наша дочка и подружка.
А мы, вздыхая, нюхаем подушку —
духами пахнет и ее щекой...

Слово Детям

Дорогие друзья! В этом выпуске мы расскажем о русских писателях, живших в разное время и писавших кто стихи, кто прозу, но носивших одну фамилию — **Толстой**.

Самым известным из них, конечно, был **Лев Николаевич** (1828—1910) — граф, живший в имении Ясная Поляна. Ты обязательно прочтешь его «Севастопольские рассказы», повести «После бала», «Крейцерова соната», романы «Анна Каренина» и «Война и мир», когда подрастешь. А его сказки и басни для детей наверняка тебе знакомы: «Три медведя», «Акула», «Прыжок», «Лев и собачка». Все они входят в «Азбуку», которую Толстой писал много лет. Он хотел, чтобы дети учились по ней не только читать, но и познавать мир, любить его, быть добрыми и честными. По своей азбуке Лев Николаевич сам учил детей в школе, которую построил в 1859 году.

В «Азбуку» Л. Н. Толстого входит рассказ

Какая бывает роса на траве

Когда в солнечное утро летом пойдешь в лес, то на полях, в траве, видны алмазы. Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами — и желтым, и красным, и синим. Когда подойдешь поближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листьях травы и блестят на солнце.

Листок этой травы внутри мохнат и пушист, как бархат.

И капли катаются по листку и не мочат его.

Когда неосторожно сорвешь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнет мимо стебля. Бывало, сорвешь такую чашечку, потихоньку поднесешь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется.

Ты, конечно, помнишь, что **«эпитет»** — это особое, образное определение. В этом рассказе эпитетов много — найди их. А еще здесь есть сравнения: обороты со словами **«как», «будто», «словно», «точно»**. Где они? Прочти их вслух.

Обязательно найди книгу Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» и прочти ее. Это автобиографическая трилогия. Найди в словаре, что означают слова **«автобиография»** и **«трилогия»** и подумай, о чем это произведение и из скольких частей оно состоит.

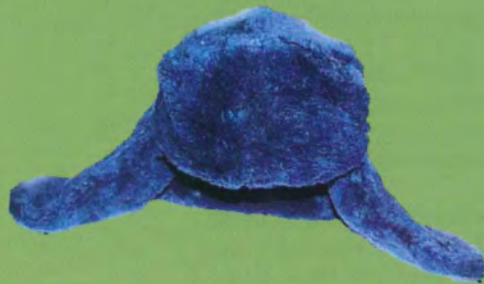
Всего Л. Н. Толстой написал 629 произведений для детей.

А вот задачка, которую Лев Николаевич придумал для учеников второго класса. Попробуй ее решить!

Продавец продает шапку. Стоит 10 рублей. Подходит покупатель, примеряет и согласен взять, но у него есть только 25 р. Продавец отсылает мальчика с этими 25 р. к соседке разменять. Мальчик прибегает и отдает 10+10+5. Продавец отдает шапку и сдачу в 15 р. Через какое то время приходит соседка и говорит, что 25 р. фальшивые, требует отдать ей деньги. Продавец достает деньги из кассы и возвращает соседке. На сколько обманули продавца?

Свои рассказы в «Азбуке» Л. Н. Толстой сопровождал заданиями, которые должны помочь читателям познать окружающий мир и научиться быть хорошими людьми. Попробуем и мы.

Поступок, который совершил нечестный покупатель, называется мошенничеством: он обманул продавца и лишил его честно заработанных денег. Если бы продавцу удалось поймать мошенника, что, на твой взгляд, должен почувствовать каждый из них? Мошенник — это почти то же самое что вор. Подумай над смыслом русских пословиц о воровстве: «Вор что заяц: и тени своей боится», «Краденое пороса в ушах визжит», «Легко воровать, да тяжело отвечать».

Еще одного Толстого в русской литературе звали **Алексей Константинович** (1817—1875).

Он писал исторические драмы и фантастические повести, но больше всего прославился своими стихами, многие из которых были положены на музыку и стали известными романсами.

Вот одно из стихотворений А. К. Толстого:

*Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты —
Она тревожна, как листья,
Она, как гусли, многострунна.
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом.
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновение,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновение...*

Вея — форма, образованная от слова «веять» — легко обдуть.

Гусли — старинный русский струнный инструмент.

Терзал — мучил.

Найди в стихотворении сравнения.

Писатели Толстые в русской литературе продолжают. Когда ты станешь старше, то обязательно познакомись с рассказами Татьяны Толстой и очерками Ивана Толстого.

Еще один Толстой, которого ты, конечно, знаешь с первых лет жизни, — **Алексей Николаевич** (1883—1945). Это он перевел и пересказал на свой лад сказку итальянца Карла Коллоди о Пиноккио. Только у Толстого она называется «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Когда вырастешь, попробуй прочитать фантастические повести А. Н. Толстого «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина», а также роман «Петр I». А еще Алексей Толстой написал много сказок, вот одна из них, из книги «Сорочьи сказки».

Кот Васька

У Васьки-кота поломались от старости зубы, а ловить мышей большой был охотник Васька-кот. Лежит целые дни на теплой печурке и думает — как бы зубы поправить... И надумал, а надумавши, пошел к старой колдунье.

— Бабушка, — замурлыкал кот, — приставь мне зубы, да острые, железные, костяные-то я давно обломал.

— Ладно, — говорит колдунья, — за это отдашь мне то, что поймашь в первый раз.

Поклялся кот, взял железные зубы, побежал домой. Не терпится ему ночью, ходит по комнате, мышей вынюхивает. Вдруг мелькнуло что-то, бросился кот, да, видно, промахнулся. Пошел — опять метнулось. «Погоди же!» — думает кот Васька, остановился, глаза скосил и поворачивается, да вдруг как прыгнет, завертелся волчком и ухватил железными зубами свой хвост. Откуда ни возьмись явилась старая колдунья.

— Давай, — говорит, — хвост по уговору.

Замурлыкал кот, замыкал, слезами облился. Делать нечего. Отдал хвост. И стал кот — куций. Лежит целые дни на печурке и думает: «Пропади они, железные зубы, пропадом!»

Задание

Вспомни героев сказки «Золотой ключик» и запиши их в алфавитном порядке.

Подготовила Людмила Сви́рская

Листок из альбома

Здравствуйте, друзья!
Вы хорошо помните древнегреческий миф о похищении царевны Европы?

Если забыли — не беда, ребятам из Первой славянской гимназии так понравилась эта история в остроумном пересказе поэта Андрея Усачева, что они записали его стихотворение и прислали к нам в редакцию. Гимназисты считают, что всем юным читателям «Русского слова», проживающим в Чехии — в самом центре Европы — будет не только полезно прочесть эти строки, но и выучить их наизусть:

1

Похищение Европы

*Далеко за морем, в стране Финикии,
Куда добегают лишь волны морские,
Гуляла по берегу дочка царя,
Европа, прекрасная, словно заря.*

*И вышло, что бог древнегреческий Зевс
Влюбился, увидев Европу с небес...*

*Не мог он на это смотреть свысока:
Спустившись с небес, превратился в быка
И лег перед девушкой кротко:
Садись, покатаю, красотка!*

*Едва оказалась она на спине,
Наш бык —
в море прыг!
И поплыл по волне.*

*Из Азии выкрал красавицу бык.
Европой назвал в честь нее материк,
Поступок его — безобразие...
Но так получилась Евразия!*

А теперь игра!

Попробуйте определить, что происходит на картинах известных русских художников, хранящихся в Москве в Третьяковской галерее? Быть может, тоже похищения?

Стихотворные строчки поэта Андрея Усачева помогут вам разобраться и в этих вопросах. Какую табличку с именем автора и названием вы бы поставили под картиной?

3

2

*Да, он напасть на лошадь может,
Трех поросят в минуту сложет,
Козлят штук семь умет за раз...
Но Серый Волк не тронет вас.*

*Уж если вас полюбит Серый,
Он служит правдой вам и верой,
И вывезет вас из беды,
И принесет живой воды.*

*Бывает, Серый Волк линяет.
Но дружбе он не изменяет.
А остальное — сказки, враки...
И их придумали собаки.*

*Ах, вовремя успеть бы
Добраться до избы!
Ушли далеко дети
Из дома по грибы...*

*Быть может, погрохочет
И стороной пройдет...
Но уж от мамы точно
Им дома попадет.*

*И чудо Господь сотворил,
Послав два незримых крыла:
Мужчина над городом плыл,
С ним женщина рядом плыла...*

*Все было похоже на сон,
На два удивительных сна.
Крутилась земля колесом,
А в небе царила весна.*

4

В. А. Серов
Похищение Европы

К. Е. Маковский
Дети, бегущие от грозы

В. М. Васнецов
Иван Царевич на сером волке

Марк Шагал
Над городом

страничку подготовила
Марина Обминская

ПЕРВАЯ СЛАВЯНСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Государственная аккредитация
Министерства образования
Чехии (№ 2 943 / 2006 - 21)

- Аттестат Министерства образования Чехии
- Специальная программа обучения для детей-иностранцев на родном языке
- Подготовительные курсы (годовые, полугодовые) для поступления в ВУЗы Чехии
- Международный проект: возможность получения аттестата России и Чехии
- Широкая программа внеклассных занятий, познавательных туров по Чехии и ЕС
- Курсы чешского языка для детей и родителей

Информацию по всем интересующим вас вопросам вы получите по
тел.: 257-328-384, 608-083-189, 777-884-880, 602-884-576
www.slovgym.cz

В Африку!

Издательство «Русская традиция» представляет новую сказку для детей любого возраста.

Эта сказка Александра Николенко опубликована впервые, сразу на русском и чешском языках. Картины в книге — подарок умных художников Натальи и Александра Козловых, которые уважают детей и поэтому говорят с ними современным изобразительным языком.

Книга продается в редакции журнала «Русское слово»
(Vocelova 3, Praha 2; тел. 221 419 830)

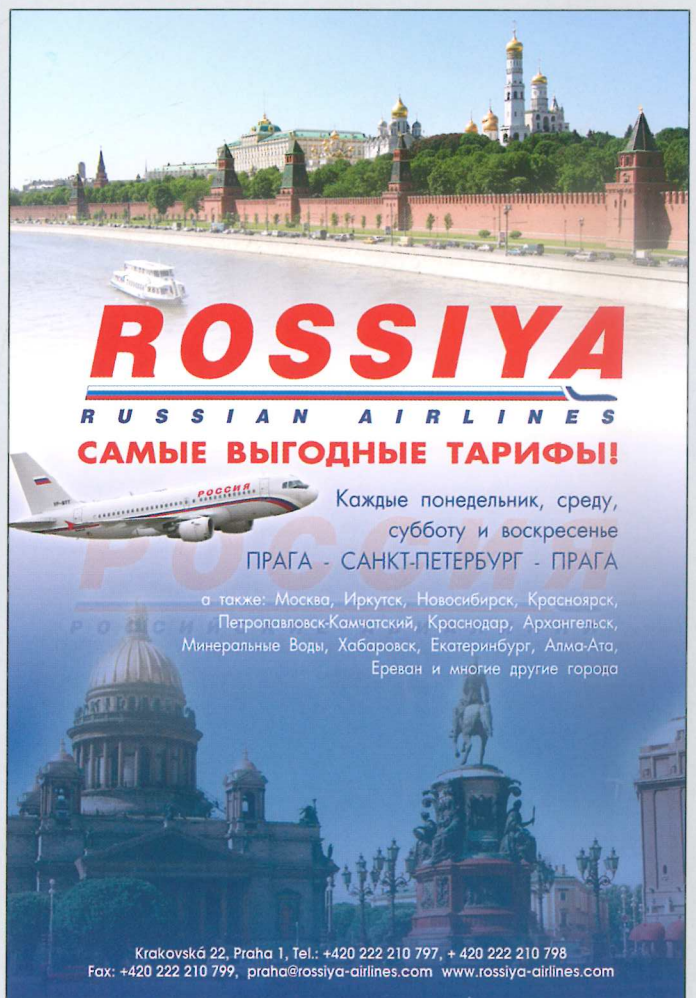
Do Afriky! В Африку!
moderní pohádka   nová сказка

ВИЗЫ В Объединенные Арабские Эмираты

- визы в ОАЭ вы можете получить не только в нашем центральном офисе, но и по электронной почте, не выходя из дома
- стандартное получение визы в течение 10 дней
- электронные визы не ограничат ваш выбор авиабилетов и гостиниц
- дополнительно к визовому сервису мы можем предложить вам выгодные условия продажи авиабилетов и бронирования гостиниц, а также обеспечить ваше прохождение паспортного контроля в дубайском аэропорту без очереди („MARHABA service“)

Veľfíkova 8, 160 00 Praha 6 | Tel.: 234 704 925 | viza@asiana.cz

ROSSIYA

RUSSIAN AIRLINES

САМЫЕ ВЫГОДНЫЕ ТАРИФЫ!

Каждые понедельник, среду, субботу и воскресенье
ПРАГА - САНКТ-ПЕТЕРБУРГ - ПРАГА

а также: Москва, Иркутск, Новосибирск, Красноярск, Петропавловск-Камчатский, Краснодар, Архангельск, Минеральные Воды, Хабаровск, Екатеринбург, Алма-Ата, Ереван и многие другие города

Krakovská 22, Praha 1, Tel.: +420 222 210 797, +420 222 210 798
Fax: +420 222 210 799, paha@rossiya-airlines.com www.rossiya-airlines.com

Obrázek použit se svolením Státního archivu Ruské federace (GARF, f. R-5764, op. I, d. 157.)

CESTAMI VZÁJEMNÉHO SBLIŽOVÁNÍ

„ČESKO-RUSKÁ
JEDNOTA“ V LETECH
1919–1939

leden–únor 2010

autor výstavy Jiří Vacek

Výstava je přístupná v prostorách Slovanské knihovny, 3. patro Klementina